

63.3

K58

С. КОЖЕВНИКОВ

СИБИРЯКИ

НОВОСИБИРСК

1942

99
2027.

С. КОЖЕВНИКОВ

СИБИРЯКИ

СТРАНИЦЫ БОЕВОЙ ИСТОРИИ

24727
+

Профсоюз
РОХИ СССР

Заводской комитет
завода № 25

№ 2248

✓

✓

✓

✓

ОГИЗ—НОВОСИБГИЗ

1942

4/3

ОТ РЕДАКЦИИ

На полях великих битв отечественной войны сибирские части Красной Армии завоевали славу доблестных воинов, мужественных в обороне, несокрушимых в наступлении.

В воспитании этих боевых качеств советских воинов-сибиряков участвовали прошлые поколения. «Правда» в передовой статье за 13 июля 1942 г. «Выше славное знамя боевых традиций» пишет: «Воины, воспитанные на боевом прошлом, на славных традициях, на ратных подвигах своих предков, неустрашимы в бою. В героических поступках своих отцов, дедов и прадедов они черпают моральные силы, необходимые на поле битвы... Весь этот богатейший арсенал, всю сокровищницу боевого опыта, всю традиционную доблесть прошлого и героического настоящего надо высоко поднять, довести до сознания бойцов, всего советского народа. Боевые традиции — это знамя, под которым бойцы идут в бой. Боевые традиции — это источник непоколебимой стойкости и отваги наших бойцов».

Работа тов. С. Кожевникова популяризирует боевое прошлое сибиряков, раскрывает страницы боевой истории русского народа в Сибири, воспитывавшей славные боевые традиции, рассказывает о доблести и героизме сибиряков на фронтах великой отечественной войны с немецким фашизмом.

Пусть традиционная доблесть прошлого и героического настоящего сибиряков послужит вдохновляющим примером для новых резервов Сибири, идущих на фронт великой освободительной войны советского народа.

Фронт проходит по Сибири

Где б ни был ты в огне передних ли-
ний —

На Севере иль где-нибудь в Крыму,
В Смоленщине иль здесь на Украине, —
Идешь ты нынче к дому своему.
Идешь с людьми в строю необозримом, —
У каждого своя родная сторона,
У каждого свой дом, свой сад, свой брат
любимый,

А родина у всех у нас одна.

А. Твардовский.

Сибирь далеко от фронта...

Да, от Новосибирска — нашего молодого приобского города до древнего Новгорода, под стенами которого сейчас, как и семьсот лет тому назад, сражаются за независимость своей родины русские полки — тысячи километров. От Дона, на берегах которого бьются с озверелыми бандами фашизма армии Юго-Западного фронта, до холодного Тобола, от которого начинается Сибирь, — тоже тысячи километров.

Да, Сибирь далеко от фронта.

Но Сибирь далеко от фронта, если расстояние измерять по географической карте. На самом же деле Сибирь близко от фронта. Настолько близко, что мы, сибиряки, кажется, слышим лязг и скрежет танковых колонн,

видим взрывы артиллерийских снарядов.

Фронт проходит по Сибири.

Нам трудно, почти невозможно представить фронт отдаленным от нас за какие-то тысячи километров. И не только потому, что современный фронт стал необычайно глубоким и тянется от бесстрашных саперов, проникших в тыл врага, чтобы минировать пути его отступления, до завода, производящего бронетанковую сталь и до полеводческой бригады, готовящей для фронта новый урожай. Нам трудно, почти невозможно представить фронт отдаленным от нас за тысячи километров потому, что фронт отечественной войны пролегал по сердцу каждого советского патриота. Ведь фронт проходит по нашей родине. Ведь враг занес свою звериную лапу на самое любимое, самое неприкосновенное и святое для советского патриота.

Для каждого человека родина начинается в том селении и в том крае, где он родился. «Любовь к родине, — как писала «Правда», — чувство не отвлеченное. Оно находит свое выражение в глубокой привязанности к городам и селам, колхозам и предприятиям, школам и музеям нашей страны». Любовь к родине «начинается еще у детей в форме любви к своему двору, к тихой речке, к веселым рощам. Она вырастает в любовь к своему городу, к родному краю, ко всей нашей прекрасной родине».

Для нас, сибиряков, родина начинается в Сибири. Наше детство, наша юность, наша жизнь протекала на прогалинах Илимской тайги, на берегах богатыря Енисея, на «горелых горах» Кузбасса, на Байкале, на Сахали-

не, в Кулундинской степи, на альпийских лугах Алтая.

Мы, сибиряки, любим Сибирь. Нам близки и бесконечно дороги ее необъятные просторы, «ее степей холодное молчанье, ее лесов безбрежных колыханье, разливы рек ее, подобные морям». Мы любим сибирское небо, глубокое лазоревое в весенние дни, крупнозвездное в осенние ночи, сказочное во время вечерних зорь. Под этим небом мы учились ходить, по его звездам мы определяли свои охотничьи маршруты в таежных чащах.

Мы любим наш сибирский пейзаж, величественный и суровый. Мы любим наши кряжистые горы, стремительные, неукротимые реки, бескрайнюю тайгу, дремучие урманы с их вековыми хвоями и необозримо колеблющимися синими волнами лесных вершин. Мы любим таежную дымку, которая вызывает в груди каждого сибиряка неизъяснимый и только нам понятный трепет. А сколько для нас поэзии и красоты в зимовье, затеряншемся в заснеженных согах, или в рыбацьем балагане на берегу вслучившейся от половодья реки! Какой сладкий запах несет на нас ветерок от их волнистых сизоватых струек дыма!

Все это наши близкие, бесконечно родные места.

Но здесь, в Сибири, родина для нас только начинается...

Больше трех с половиной столетий тому назад пришли в Сибирь наши предки. Они бежали сюда от крепостной неволи, голода и притеснений, от приписки к городам, от тяжелой подати и издевательств. В сердце их кипела лютая ненависть к крепостникам и

воеводам, к жестокой барской России. Но на груди, в домотканых мешочках они несли в новые места щепотки родной российской земли.

На берегах неведомых рек они рубили зимовья, строили избы, огораживали их тыном. Они селились в самых глухих ущельях, в самых отдаленных местах, чтобы не попадаться на глаза царским воеводам и чиновникам, чтобы освободиться от их гнетущей власти. Но новым своим поселениям они давали старые российские названия, а сибирские реки называли именами тех российских, рязанских, смоленских, поморских речек, которые они покинули на родине.

Они приходили в новые места, где иным был быт. Но они свято хранили и передавали из поколения в поколение песни, предания, сказки и героические былины своей родины. Они сами и их дети, и их внуки, и их правнуки жили в Сибири во власти героических образов былинных русских богатырей — защитников русской земли.

Пламень любви к России — родине они принесли в Югорию и Обдорию, в Мангазею на берега холодного Енисея, на острова Тихого океана. Этот пламень никогда не угасал в груди сибиряков.

Русский народ горячо полюбил Сибирь, — она сразу же и органически вошла в состав его родины. В Сибири даже природа гармонировала с природой его родной страны. «В Забайкалье я находил все, что хотел, — писал Чехов в своих очерках «Из Сибири», — и Кавказ, и долину Пела, и Звенигородский

уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по донской степи, а утром проснешься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния — и так всю тысячу верст».

Сибиряки горячо полюбили свою новую родину. Но здесь, за тысячи километров от России, они жили общей жизнью со всем русским народом, плечом к плечу с ним творили историю России. Когда родине угрожала опасность порабощения, когда над русской землей нависала хищная лапа интервентов, сибиряки вместе со всем русским народом шли на поля брани и дрались за честь ее доблестно и отважно.

Россия всегда была для нас, сибиряков, кровной родиной. В истории России, в истории СССР — наша история, в ее культуре — наша культура, в красоте ее могучего русского языка — наш язык, в ее национальной гордости, в ее вековой славе — наша гордость, наша слава, в ее нестигаемом свободлюбивом характере — наш характер, в ее чести — наша честь, в ее жизни — наша жизнь.

Мы, сибиряки, горячо любим социалистическую Сибирь. Это значит мы беспредельно горячо любим всю нашу социалистическую страну. Здесь, в Сибири, родина для нас только начинается. Здесь ее начало. Границы же ее неимоверно обширны. Они идут по пограничным рубежам всего Союза Советских Социалистических республик.

Эти границы впервые раскрылись перед нами после великого Октября, в дни гражданской войны, когда русские рабочие и крестьяне проходили в красноармейских шинелях, с

винтовками на перевес, по горам Армении и Грузии, по степям Украины, по лесам Белоруссии, по пескам Туркмении, помогая армянам и грузинам, украинцам и белоруссам, туркменам и азербайджанцам освобождаться от ненавистного ига буржуазных националистов и от насилия интервентов. Эти границы закрепились нами кровью. Эти границы приближались к сердцу каждого из нас в знаменательные пятилетки, когда мы, вместе со всеми народами СССР, прокладывали Туркестано-сибирскую железную дорогу, возводили плотину через Днепр, осушали болота в Белоруссии, строили Урало-Кузбасский комбинат, сооружали Ферганский канал.

Из прекрасных источников разнообразных культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, мы черпали новые силы, новые сокровища, оплодотворяя чудесными творениями народов СССР свою культуру.

Мы обогащали друг друга опытом социалистического строительства. Зародившиеся на Северном Кавказе машинно-тракторные станции стали наиболее совершенной формой тракторизации сельского хозяйства всего Союза. Возникшие в Барабинской степи Сибири молочно-товарные фермы стали достоянием всей страны. Когда мы построили в Сибири первенец социалистической индустрии — Кузнецкий завод, нам помогали его осваивать доменщики Днепропетровска. А возникшие на Алтае и в Кулундинской степи ефремовские методы повышения урожая стали применяться на социалистических полях всех союзных республик страны. Зародившееся в Донбассе стаханов-

ское движение помогло поднять на огромную высоту производительность труда в нашем Кузбассе. Рационализация в вождении поездов, введенная машинистом Томской железной дороги Луниным, применяется машинистами Казахстана, Азербайджана, Армении, Украины.

Трудно найти в стране такой кусок земли, такой район, к возделыванию и развитию которого не были бы приложены коллективные усилия всей страны, к которому не тянулись бы нити коллективного творчества, ума, таланта всех народов, всего Советского Союза.

Как в каждой капле воды мы видим солнце, так в каждом клочке советской земли, где бы он ни находился, мы видим, любим всю нашу страну. Это чувство советского человека прекрасно выразил Джамбул, соловей Казахстана, в своем превосходном стихотворении «Советский Союз»:

Я говорю: «СССР» — и золотой встает Алтай,
И Каспий вдребезги дробит светлозеленые громады,
И льдами Арктика шуршит, растит леса Карельский
край,

И склоны Грузии дарят народам гроздья винограда.
Я вижу груды серебра и слитки золота горой,
Фонтаны нефти и зерна, и уголь — до сиянья черный,
И самолеты над землей, и поезд мчащийся стрелой,
И караваны мудрых книг, и труд — веселый и
упорный.

Я вижу дружбу меж людей всех языков и всех
племен,
И вместе с ними я врагов с великой страстью
ненавижу.

Вот почему фронт, который проходит по землям Украины, Белоруссии, Крыма, Карелии, мы воспринимаем как фронт, который

проходит по улицам наших сибирских городов, по пашням наших сибирских колхозов.

Вот почему глаза наши наливаются гневом, а кулаки сжимаются до боли в суставах, когда мы узнаем о надругательствах фашистов над мелитопольскими, полтавскими, витебскими, новгородскими землями, над культурой наших народов.

Вот почему каждый шаг кованного немецкого сапога по советской земле — точно удар в нашу собственную грудь.

Ленин писал как-то: «Владивосток далеко — но ведь это город-то нашинский».

Мы можем сказать про любой из городов страны, где идут сражения — это город нашинский. Там наши земли, там шумят наши сады, там живут наши советские люди.

В стране нашей живет 200 миллионов человек. Это все наши земляки, наши кровные братья. Братья по единой в своем содержании культуре — социалистической, братья по единой строительной работе — социалистической, братья по нерушимой дружбе разноплеменных и разноязыких народов, братья по крови, которую обильно пролили народы СССР в 1918—1920 гг. в борьбе с интервентами. Это братство, эту дружбу народов заложили и упрочили величайшие гении человечества — Ленин и Сталин.

Они связали, как друзей, простор полей и ширь тайги,
Неву сроднили с Иртышом, Байкал и Балтику
сдружили.

Страна наша занимает 21 миллион квадратных километров. Среди этих миллионов нет

ни одного метра земли, на защиту которого не стал бы каждый советский патриот.

22 июня, когда пробил грозный час, Сибирь вместе со всей страной поднялась на лютовую борьбу с коварным врагом. Мощной лавиной пошли на фронт сибиряки. Поэт Евг. Березницкий, который поехал на позиции вместе со своими земляками в одном из первых батальонов, писал тогда:

Нет краше, страна родная,
Счастья — тебе служить,
Идем мы, смерть презирая,
Не умирать, а жить!

Это был всенародный порыв, высший патриотический подъем, какого никогда не знала, не видела, не переживала Сибирь.

Сибиряки пошли на фронт, полные гнева и ненависти к врагу. Они заявили устами своего поэта:

За каждый колос, опавший
С твоих, отчизна, полей;
За каждый волос, упавший
С головок наших детей;
За каждую каплю горючей,
Родной материнской слезы;
За горечь обиды жгучей —
Поруганной девьей красы;
За все, что дороже жизни:
За волю родной земли,
За честь любимой отчизны —
Мы отомстить пришли.¹

---

¹ Е. Березницкий. «За честь родины».

К великой борьбе нас готовила вся история нашей родины

«Наши великие дни связаны с прошлым. Они сами — творимая история. И в психическом складе, в национальном характере советских людей, в их героике, в их непреклонной воле к борьбе за коммунизм есть и черты того психического склада, того характера, в выработке которого участвовали прошлые поколения».

(«П р а в д а»)

Гитлеровские орды двинулись на восток, на СССР, с полным убеждением, что от первого их удара Советское государство рассыпется. Русский народ, — внушали этим ордам, — «расово неполноценный», он «неспособен создать собственную государственность», человек славянской расы представляет собой всего лишь «переходную ступень от человека к животному».

Старая история! Немецкие «историки» уже много столетий подряд измышляли невежественные сказки и зловонную клевету о русском народе. Они рыскали по всему более чем тысячелетнему фронту истории России, фальсифицировали ее и лезли из кожи, чтобы доказать «закономерность» интервенции и неизбежность превращения России в немецкую колонию.

Это всегда было лишь моральной подготовкой интервенции, вслед за которой неизбежно двигались на Россию немецкие полчища. Так, уже в 1240—1242 годах, на заре немецкой политики проникновения на Восток, немецкие «варвары-болваны» и «прохвосты», как их на-

знает в своих «Хронологических выписках» К. Маркс, совершали набеги на русские земли.

700 лет тому назад, весной 1242 года, русские войска под водительством Александра Невского наголову разбили немецкие орды, напавшие вместе с финскими племенами — чудью на русскую землю. В одной русской летописи по этому поводу сохранилась такая красноречивая запись: «И была здесь злая и великая сеча немцев и чуди, и обратились немцы в бегство, и гнали их русские с боем как по воздуху и некуда им было убежать».

Весть о победе на Чудском озере пронеслась от моря Варяжского до моря Понтского, до гор Араратских и даже до «Рима великого». И широко было услышано грозное предупреждение Александра Невского: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости... Но если кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля!».

Так было в 1410 году, когда немцы вновь пытались захватить русские земли и были вновь жестоко разбиты.

Жестокое поражение нанес русский народ немецким захватчикам в 1757 году, когда в десятичасовой битве при Гросс-Егендорфе героическая русская пехота наголову разбила прусскую армию. В следующем году русские войска оккупировали всю Восточную Пруссию. Ключи от города Кенигсберга были посланы в Петербург. Восточная Пруссия стала губернией Российской империи, во главе этой губернии одно время стоял отец великого полководца Суворова.

В 1759 году в сражении при Кунерсдорфе «непобедимые» войска Фридриха II были вторично наголову разбиты русскими. От немецкой армии в 48 тысяч человек не осталось в живых и трех тысяч солдат. Русские войска заняли Берлин, ключи от которого до сих пор хранятся в Ленинграде.

Под ударами русских войск неоднократно трещал фронт немецких полчищ в войне 1914—1918 годов. Особенно сокрушительным был брусилловский удар летом 1916 года, когда 8-я и 9-я армии юго-западного фронта прорвали немецкие укрепления, захватили свыше 200 тысяч пленными и полностью разгромили 7-ю австрийскую армию. Через три дня после прорыва австро-германские войска из отступления перешли в беспорядочное бегство. Более половины своих войск оставили немцы на полях Украины и России в 1918 году, когда они пытались задушить созданное русским народом советское государство.

Эти исторические уроки забыл немецкий фашизм. Красная Армия, наследница боевых качеств и традиций славянских дружин, армий Суворова, Кутузова и Брусилова, напомнила их зарвавшимся псам-эсэсовцам. Гитлеровские выкормыши на собственной спине почувствовали, что Россия, — это не «простое географическое понятие», как внушал им их «фюрер», а несокрушимая скала.

Народ русский — не «смирненные» и «блаженные» люди, проникнутые мистической славянской экзотикой, не случайное национальное образование, а один из древнейших народов с высоким национальным достоинством, с русской национальной честью, с выкованным,

как сталь, историческим русским характером, со своей культурой.

Русские с давних времен объединились в самостоятельное национальное государство. И с тех пор защита своего отечества всегда была высшим законом их жизни. На протяжении всей своей истории русский народ никогда не сгибался, никогда не надламывался, какие бы силы ни наваливались на его земли, какие бы когти ни впились в его тело.

На своих могучих плечах он вынес страшное монголо-татарское нашествие. «Россия, терзаемая лютым врагом, — писал историк Карамзин, — гибла со славою: целые города предпочитали верное истребление стыду рабства. Жители Владимира, Чернигова, Киева принесли себя в жертву народной гордости». В 1380 году под водительством великого полководца Дмитрия Донского, девизом которого было: «Честная смерть лучше позорной жизни», — русский народ в решающей битве на Куликовом поле сбросил позорное монголо-татарское иго.

В 1605 году вторглись в Россию польские авантюристы. Нижегородцы, рязанцы, москвичи под славным руководством Минина и Пожарского вышвырнули захватчиков.

Двадцать один год продолжалась кровавая борьба со шведами. Имевшими в то время лучшую армию в мире. Русские войска во главе с Петром I не только отстояли свою землю, но перенесли За войну на территорию своих противников и отогнали от шведов стародавние русские земли — берега Рижского и Финского заливов Балтийского моря.

В 1812 году на Россию напала полумил-

лионная армия Наполеона, в составе которой были французы, пруссаки, саксонцы, австрийцы, баварцы, итальянцы, неаполитанцы. Русская армия под водительством великого полководца Кутузова была втрое меньше, чем армия противника. Но она, как признал Наполеон, в сражении под Бородиным «стяжала право быть непобедимой».

Русские не сдались на милость интервентов.

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

(А. С. Пушкин).

Русские подняли «дубину народной войны» и изгнали и этих интервентов с русской земли. Это было достигнуто, как писал известный партизан 1812 года Денис Давыдов, «без всяких иных союзников, кроме оскорбленной народной гордости и пламенной любви к отечеству».

В тяжелых и полных опасностей войнах за свою национальную независимость русский народ крепил и расширял свое государство. Он создал его, нерушимую твердыню, на огромной территории, на двух частях света — от Финского залива и до Камчатки.

Это делал, это мог сделать только народ-богатырь, народ-борец, народ-свободолюбец, народ-строитель. «Дух народный, — писал В. Г. Белинский, — всегда был велик и могуч: это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаево побоище, и

свержение татарского ига, и завоевание темного казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годовину междоцарствия».

Боевые традиции сибиряков

Одной из славных страниц государственной деятельности русского народа является присоединение к своему государству Сибири.

О Сибири Европа почти ничего не знала. О ней ходили самые темные слухи, она была неведомой страной.

Первыми познакомились с Сибирью русские. В XII веке, когда отважные новгородцы были вынуждены напрягать все свои силы для защиты русской земли от набегов немецких псов-рыцарей с запада, они одновременно совершали походы в Югорию и Обдорию и «на Обь, реку великую».

Во второй половине XIII столетия Югорская земля (нижнее течение реки Оби) считалась Новгородской волостью. Однако, русские прочно вступили в Сибирь и начали ее осваивать только со времени великой экспедиции Ермака. Это было в период, когда Россия вела длительную, изнурительную войну с Ливонией. Продвижение же русских по Сибири, доведение восточных границ России до естественного рубежа — Тихого океана — происходило в годы, когда враги рвали Россию на куски, когда русский народ на западных границах отстаивал свою самостоятельность в боях со шведами и польскими интервентами.

Завоевание Сибири и освоение ее в этих условиях является ярким доказательством жизненной несокрушимости русского народа его воинственности и отваги, выносливости и широты размаха.

Присоединение Сибири было жизненно необходимым для укрепления и дальнейшего развития русского государства и исторически прогрессивным для развития самой Сибири и ее народов. «Интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» (И. Сталин).

В XVI веке в Сибири царствовал воинственный татарский царь Кучум. Он покориł многие племена вогулов и остяков и совершал постоянные набеги и на стойбища сибирских народов и на русские пограничные селения. Татары сжигали русские селения, убивали жителей, а женщин и детей уводили в плен. Особенно страдали от набегов Кучума русские жители на побережьях Камы и Чусовой. Кучум висел на восточных границах России темной тучей.

Первым встал на защиту русской земли от татарских набегов атаман вольных казаков Ермак Тимофеевич. Это был блестящий полководец, человек необычайной физической силы, смелости, ловкости, сметливости. Он был настоящим русским богатырем. Недаром в преданиях народа Ермак вырастает до мифического героя, занимая место знаменитого былинного богатыря Ильи Муромца. Песни о Ермаке являются и сейчас любимыми в Сиби-

ри. Их понесли с собой сибиряки и на поля сражений с немецким фашизмом.¹

Два года Ермак доблестно защищал восточную границу. Но он видел, что обороной нельзя по-настоящему обезопасить страну. И он решил перенести борьбу с Кучумом на территорию противника, уничтожить его разбойничьи захватнические шайки и тем самым навсегда устранить угрозу русскому государству со стороны сибирского царства Кучума.

Вольная дружина Ермака Тимофеевича, состоявшая всего из восьмисот казаков, выступила против могущественного татарского хана, властвовавшего над Сибирью. Кучум легко мог выставить против этой небольшой группы до 30 тысяч пеших и конных бойцов.

Поход дружины Ермака был исключительно тяжелым. Казаки ехали по неведомым рекам, двигались без дорог, на руках перетаскивали струги через Уральский хребет. Это длилось девять изнурительных месяцев.

По реке Туре дружина достигла Тюмени. Здесь произошел первый бой с противником. На Ермака напал родственник Кучума князь Епанча с многочисленным войском. Флотилия казаков была буквально засыпана с берега тучами стрел. Но русские воины не дрогнули. Ведь их вел человек с блестящими военными способностями, а дружина их состояла из

---

¹ Красноармеец Ромашов во фронтовой газете пишет: «Это любимая у нас, сибиряков, песня». С песней об Ермаке — «Ревела буря, дождь шумел» — сибирские части, как сообщает П. Павленко в «Красной Звезде», высадились из вагонов на московском участке фронта зимой 1941 г.

людей отборных, беспредельно храбрых, способных в рукопашном бою устоять против вдесятеро более сильного противника. И они разбили у Тюмени войско Епанчи так же как потом, у устья реки Тюмени, они разгромили второе войско Кучума, предводительствуемое мурзой Таузака.

Много боев пришлось выдержать храброй горстке русских казаков против многотысячных орд Кучума. Это были бои, в которых Ермак крушил войско врага храбростью, военным искусством, русской сметкой.

На реке Тоболе, у теперешнего Караульного Яра, племянник Кучума Маметкул, пришедший сюда навстречу Ермаку с десяти тысячным войском, преградил реку крепко связанными между собой деревьями. Струги не могли двигаться дальше. Высадить десант было невозможно: при малейшей к этому попытке татары засыпали казаков стрелами. И вот тогда Ермак принял смелое решение. Глубокой ночью он соорудил чучела, поставил их на струги и, оставив на стругах двести казаков, с остальными вплавь добрался до берега и зашел в тыл войска Маметкула. Утром Ермак атаковал татар. Атака была настолько неожиданной и стремительной, что татары не выдержали и в панике разбежались.

У селения Бабасан, во время нового сражения, разведка донесла Ермаку, что у Маметкула впереди собрано свыше шести тысяч всадников. Маметкул умышленно заманивал казаков подалее от реки. Отразить атаку шести тысяч всадников ружейным огнем было невозможно. Было немислимо устоять против этой многотысячной орды и в руко-

важной схватке. Ведь казаков было всего восемьсот человек. Ермак пошел на военную хитрость. Продолжая преследовать противника с частью своих сил, второй части своей дружины он приказал рыть окоп. И когда окоп был готов, Ермак поставил впереди его всю дружину. Конница Маметкула во весь карьер неслась на казаков. Казаки стояли неподвижно. Расстояние стремительно уменьшалось. Казаки хладнокровно смотрели на всбесившихся всадников и не производили ни одного выстрела. И только тогда, когда казалось, дружина вот-вот будет смята лавиной конников, Ермак подал команду вскочить в окоп. Оттуда казаки дали первый залп, а потом прижались к дну окопа. Залп вывел из строя больше четырехсот всадников, а остальные были уже не в силах остановить своих коней и кони перескочили окоп. В тыл татарам раздался второй дружный залп. Грозная конница Маметкула бежала в панике.

Вскоре Ермак сокрушил главные силы Кучума и 26 октября 1582 г. занял его столицу Искер. Сибирь была завоевана!

22 декабря 1582 г. посольство Ермака приехало в Москву к Ивану Грозному и «было челом Сибирью».

Вольная дружина Ермака преподнесла в дар своей родине огромную и богатейшую Сибирь. Она устранила последнюю опасность, грозившую Московскому государству с востока.

«Великорусское боярство, игравшее такую деятельную роль в колонизации великорусской земли, — писал известный историк-си-

биряк Шапов, — в заселении Сибири не принимало почти никакого участия». Это сделал сам народ. «Русский народ, — писал А. М. Горький в «Истории русской литературы», — без помощи государства захватил и присоединил к Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев, открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх. Он же додумался на 53 года ранее Дениса Папина до изобретения паровой водоподъемной машины. Этим народом сделано много дела, у него есть большая история».

* * *

После экспедиции Ермака русский народ неудержимым потоком хлынул в Сибирь, в «походы встреч солнца». В Сибирь шли пытливые исследователи и промышленники, «охочий народ» и смелые, вольнолюбивые, энергичные русские люди. В этом суровом и неисследованном краю они закалялись, выковывались в людей нечеловеческой выносливости и исключительной удали.

В Сибирь шло два потока землепроходцев: с вольнолюбивого севера и вольнолюбивого юга — казаки с Волги и с Дона. В Сибирь шли и потомки удалых новгородских ушкуйников: устюжане, панежане и вычегодане.

Сибирь поразила пришельцев громадностью своих пространств, обилием рек, необозримостью лесов, богатством дорогих зверей.

«Дивно убо есть: какими Божиими судьбами реками тамо бысть? — писал в 1636 г. сибирский летописец Савва Есипов. — Вода камень тверд раскопа — и бысть реки пространны и прекрасны зело, в них же воды сладчайшия и рыбы различныя множества; пахотища же сих рек дебрь плодovitа на жатву и скотопитательныя места пространны зело».

Первые землепроходцы идут по неведомым путям. На берегах рек рубятся промысловые зимовья, стук топора стелется по водной глади, разносится по таежным дебрям. Идет суровая борьба с природой. Люди, рассыпавшись по широким пространствам новой земли, работают по лесам и пустыням. Одни из них открывают новые земли, другие ищут приюта и независимости в тайгах и урманах и создают там воляные слободы с своим народным правлением, третьи скитаются в девственных лесах новой земли в поисках дорогих зверей.

С каждым годом землепроходцы продвигаются все дальше на восток и открывают все новые и новые неведомые земли. В конце столетия они переходят с Оби на Енисей и открывают новую славную страницу в освоении земель и рек Восточной Сибири. С Енисея они идут на северо-восток — к берегам Ледовитого океана, на восток — к берегам Охотского моря, на юг — к Байкалу и на юго-восток — к Приамурью. Это были походы, полные неожиданностей, лишений и нечеловеческих трудностей. Землепроходцы проникают в непроходимые тундры, на острова Ледовитого океана, плывут по неведомым рекам, прокладывают тропы по диким дебрям.

Они неумолимо борются со всеми ужасами севера, храбро рубятся с «немирными инородцами». Многие гибнут. Но самые смелые и стойкие выходят победителями.

В 1633 году Иван Ребров отправился из устья Лены «в новое место морем на Янгу (Яну) реку» и с Яны проехал на Индигирку.

В 1639 году на берегу Охотского моря, у устья реки Ульки появился казак Иван Москвин и его товарищи. В течение трех с лишним лет 30 человек, «проведывая новые земли», прошли на юг до реки Уды 700 километров и около 500 километров на север до Тауйской губы.

В 1646 году промышленный человек Исай Нечаев в поисках рыбьего зуба произвел разведку к востоку от Колымского устья и открыл Чаунскую губу.

В этом же 1646 году, Иван Похабов перешел озеро Байкал по льду и проник глубоко на юг.

Экспедицией Василия Пояркова был пройден весь Амур и Охотское море и путь с юга до реки Ульки. В это же время, когда Поярков «морем шел до того устья реки 12 недель», у берега реки Охты к «большому море-океану» выходил Шелковников с 47 служилыми людьми. В 1649 г. пашенный крестьянин Ерофей Хабаров во главе снаряженной им экспедиции пошел «воевать даурскую землю». Своей экспедицией он открыл непрерывный поток русских людей в Даурию, на Амур и был прозван народом «даурской земли заводчиком».

В 1648 г. казак Семен Дежнев или, как он сам себя называл, Семейка Дежнев, на пло-

сколонной лодке-коче проплыл по двум океанам — Ледовитому и Тихому и прошел впервые в истории человечества пролив, отделяющий Азию от Америки.

Почти одновременно с разных направлений выходят русские землепроходцы по всей 20-тысячекилометровой морской и океанской границе. Какое это было изумительное проявление предприимчивости и энергии русского народа!

Пространство от Енисея до Тихого океана было пройдено за двадцать лет, а весь путь через Сибирь до Тихого океана — менее чем за шестьдесят лет. Ермак начал свой поход в Сибирь в 1581 г., а в 1639 г. Дмитрий Копылов уже рубил зимовье в устье реки Ульи, на берегу Охотского моря. За 58 лет русскими землепроходцами пройдены тысячи километров! А ведь они шли по неведомым землям, нередко с боями, шли частенько «холодные, голодные, наги и босы».

В своем стремительном движении «встреч солища» русские люди присоединили к своей стране и освоили земли от Уральского хребта и Студеного моря до китайских рубежей — двенадцать миллионов квадратных верст, площадь, на которой уместилось бы несколько Европ!

«Все, что мог сделать народ русский в Сибири, — справедливо восклицал известный публицист-сибиряк Ядринцев, — он сделал с необыкновенной энергией, а результат трудов его достоин удивления по своей громадности. Покажите мне другой народ в истории мира, который бы прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на

нем? Нет, вы не покажете такого народа!».

Достигнув берегов Тихого и Ледовитого океанов, землепроходцы стали мореходами. Сибирские плотники Иван Курганов, Варфоломей Федоров и Кирилл Плотницкий строят лодки с парусами. Десятки русских смельчаков направляются через океан на новые острова и земли. По суровым морям бесстрашно поплыли без карт и компаса героические кочи и шитики. Ветер и волны играли ими, как щепками. Но мускулы мореходов были крепки, воля тверда и они крепко держали руль, сначала вдоль берегов, «вдоль матерые земли», а потом и по бескрайным водам морей. В 1711 году казаки открывают и обследуют Курильские острова. В 1728 году знаменитая экспедиция Чирикова и Беринга вторично, после Дежнева, проходит пролив, отделяющий Азию от Америки. В 1733 году начинается вторая великая северная экспедиция для розыска «дороги через Ледовое море».

Мореходы обследуют Алеутские и Командорские острова, отвоевывают новые позиции у Арктики, находят путь в Японию и описывают северную часть Японских островов, быт их жителей и открывают западные берега Северной Америки. Совершается подвиг, поставивший имена русских моряков в первые ряды лучших моряков мира.

Русские землепроходцы раскрыли перед Западной Европой Сибирь — огромный, доселе неведомый мир. Они открыли и обследовали всю северную часть величайшего на земном шаре бассейна — Тихого океана, которая также была до того времени белым пятном на всех географических картах мира.

Они возвысили нашу родину, как великую тихоокеанскую державу. Московское государство после завоевания русским народом Сибири стало одним из крупнейших государств в мире.

Землепроходцы и мореходы были сынами своего века. В их сношениях с коренными жителями Сибири подчас проявлялась жестокость. Но исторически их походы «встреч солнца», колонизация ими Сибири — это прогрессивный процесс. Сибирь была страной дикой и темной, жители ее отсталыми, хозяйство первобытным. С приходом русских сюда проникли более высокие формы хозяйства, принесенные колонистами, был ускорен процесс экономического и социального развития сибирских народов. Хозяйство якутов, например, из патриархального стало все более превращаться в товарное. Под влиянием русского населения среди бурят уже в начале XIX века начался переход к оседлости и земледелию.

Природные богатства Сибири лежали неизвестными в течение многих столетий. Русские рудоискатели и рудознатоцы в первые же десятилетия своего пребывания в Сибири стали открывать эти богатства. В 1697 г. были открыты серебряные руды в системе реки Кии. В 1718—1720 гг. крестьянин Чаусского острога Степан Костыль и крестьянин Белоярского острога Федор Комар обнаружили руды на территории нынешнего Кузбасса. В 1722 г. казачий сын Михаил Волков сделал сообщение о «горелых горах». Кузнецкий уголь стал известен одновременно с углем Донбасса, который был открыт также в 1722 г. В XVIII ве-

ке в Сибири появляются медеплавильные и железоделательные заводы, а вскоре на берегах таежных речек открываются золотые прииски.

Русские внесли свою культуру в жизнь остальных племен. Коренные жители Сибири с первых же лет появления колонистов стали все больше и больше воспринимать «русский обычай». А культура среди русского населения в Сибири, несмотря на его отдаленность от Москвы, стояла довольно высоко. Русские люди принесли сюда, в Сибирь, передовые культурные традиции своего народа и с первых же лет своего пребывания здесь стали сами вносить обильные вклады в общую сокровищницу русской культуры.

Сибирь выдвинула целую плеяду талантливых исследователей, изобретателей и ученых. В конце XVII и начале XVIII столетия в Тобольске работал выдающийся ученый Семен Ремизов. Он составил знаменитую «Ремизскую летопись», которая и до сего дня является самым фундаментальным, самым достоверным первоисточником при изучении истории Сибири. Ремизов является и автором не менее знаменитого географического атласа Сибири, который впервые открыл перед миром северовосток Азии.

С 1737 по 1743 год на Камчатке работал исследователь солдатский сын Степан Крашенинников. Написав свою золотую книгу «Описание земли Камчатской», — он вновь открыл этот чудесный полуостров, сделав его достоянием мировой науки. Книгу его внимательно конспектировал Пушкин, ею восхищался Горький. Научный труд этого солдатского сына

выдержал много изданий на русском языке и был переведен на английский, немецкий и дважды на французский и голландский языки.

В 1763 году, на двадцать лет раньше гениального английского механика Уатта, солдатский сын Иван Ползунов изобрел в Барнауле паровую машину.

Сибирь дала таких ученых как историк Словцов, которого современники справедливо называли «Сибирским Карамзиным», как историк Щапов, как знаменитый химик Менделеев. Уже в 1636 году в Сибири появилось первое литературное произведение — повесть дьяка Саввы Есипова о Ермаковом походе, написанная по всем правилам тогдашнего литературного искусства. В 1789 году в Тобольске начал выходить журнал — «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», в 1829 году в Красноярске вышел «Енисейский альманах». В Сибири появляется целая плеяда писателей и поэтов, внесших в русскую литературу сибирские образы и краски.

Сибирь внесла свой обильный вклад в русскую живопись. Она дала стране художников Врубеля, Пескова, она дала гениального Сурикова, воспевшего своей кистью героический русский народ, мощных телом и духом русских людей, самоотверженных, мужественных. Идеалы его исторических типов, как он не раз говорил сам, воспитала в нем с детства Сибирь.

Вслед за народом в Сибирь шли представители государственной власти. На заимки про-

мышленных людей слетались, как воронье, воеводы и царские чиновники. Всюду, где ступала нога землепроходцев устанавливался воеводский режим, а вскоре и режим губернаторский. Вольнонародная Сибирь постепенно сменялась воеводской и губернаторской. Сибирью стало управлять «мертвящее царское правительство».

«Первое управление воевод и губернаторов, — писал Ядринцев, — ознаменовалось крайне печальными результатами для нашего народа. Сибирь, говорит соликамский летописец, была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, приставами, для которых украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын считалось делом обыкновенным. Повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания — вот чем запечатлена мученическая история нашего народа в этом периоде».

Впрочем, управление Сибирью было таким почти во все периоды царизма.

Богатства страны лежали почти нетронутыми. Целые тысячекилометровые пространства представляли безжизненные пустыни. «Мертвящее царское правительство, — писал Герцен, — делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить Сибири тот жизненный толчок, который увлек бы ее с американской быстротой вперед». Больше того, «царизм, — как писал И. В. Сталин, — намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет, чтобы держать массы в рабстве и невежестве».

Жизнь народа в Сибири была мученически

тяжелой. Здесь полностью вымерли, погибли целые племена мелких народов. Сибирь, этот богатейший край, царизм и находившиеся у него в услужении немецкие чиновники, превратили в край грабежа и произвола, в край каторги и ссылки. Известный поэт-сибиряк Оммулевский с горечью писал в одном из блестящих своих стихотворений:

На дальней родине моей
Обычный звук был звук цепей.

Но все это не сломило гордый дух русского народа в Сибири, его свободолюбие, не подорвало его неиссякаемую жизнеспособность. Почти с первых лет прихода сюда воевод и царских чиновников народ вел непримиримую борьбу против насилий и издевательств, против эксплуатации и произвола.

Свободолюбие — в крови русского народа. Еще Псевдо-Маврикий в своем труде о древних славянах отмечал: «Племена славян и антов схожи по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению». И не случайно лучшие поэты воспевали мужество и свободолюбие славян.

До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит —

писал великий поэт Лермонтов.

Русский народ пережил мрачные времена: и монголотатарское иго, и иго немецких баронов, бывших в услужении у царизма, и крепостничества, и издевательства бояр и царей, помещиков и капиталистов. Но ничто не могло сломить его свободолюбия. В мрачные време-

на крепостничества поэт-революционер Огарев уверенно восклицал:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие, —
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие.
Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благородною
Русь вперед помчится вольная!

Печальник горя народного Некрасов глубоко верил в силу народа, в его будущность. Он верил, что русский народ вынесет все страдания и испытания:

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью проложит дорогу себе.

Великий русский демократ Герцен с гордостью писал, что русский народ сумел «сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов... Сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой природы под игом крепостного состояния».

Дух вольности, свободолюбия русский народ принес в Сибирь.

В Сибирь пришли беглые крепостные, «понизовая вольница», «гулящие люди», «безыменные», не желавшие гнуть спины перед крепостниками, не желавшие мириться с гнетом и несправедливостью. Это были люди особенно стойкие, особенно непокорные.

Здесь, в Сибири, они создавали свои поселения вне досягаемости воевод — в темных лесах и горных ущельях. В вершинах реки Бухтармы, в «камнях», беглые солдаты и крепостные создали вольные деревни со своим народным правлением. Здесь жили сотни лю-

дей, не признавая царской власти, не подчиняясь ни воеводам, ни губернаторам.

Из поселений, которые находились «под государевой рукой», люди бежали в новые земли: на Амур, в Аляску, на берега Тихого океана. После походов в 1649—1653 годах на Амур Ерофея Хабарова, «старого даурской земли заводчика», туда ежегодно уходили целые партии из Верхоленска, Илимска, Якутска, Нерчинска, Удинска, Аргуни. Туда бежали казаки, пашенные крестьяне, «многие промышленные люди и воровские бродящие люди». Они бежали от произвола и злоупотреблений воевод, замышляли полное отделение от «государевых воевод», они хотели «служить особь, а у государевых воевод под началом не быть» и «никаких служб государю с воеводами не служить». Они бежали на Амур, чтобы создать там свои свободные, вольные поселения.

На Амуре, как раньше на Дону, зарождалась вольная казачья республика.

Бунты и побеги были широко распространены в Сибири. Так, например, доведенные до отчаяния воеводским «грабительством, обидами и налогами всякими и разорением», взбунтовавшиеся камчатские казаки и служилые люди на малых судах и байдарках перебрались через опасные «переливы» на острова Курильской гряды.

Из всех восстаний выделяется своей длительностью и решительностью действий «бунт красноярских служилых людей». Красноярская «шатость» длилась целых три года. Взбунтовавшиеся казаки, а к ним примыкали и пашенные крестьяне и местные качинские та-

тары, изгнали трех сменивших друг друга царских воевод, сами выбрали своих «воровских судей», устраивали свои «думы и советы». Последнего из трех изгнанных воевод — Семена Дурново втокнули в лодку и отправили вниз по Енисею в Ледовитый океан. Многие из толпы бросали в лодку «каменьем для того, чтобы тое лодку угрузить и его, Семена, утопить».)

«Это прелестно! Вот это картина!» — восторженно восклицал художник Суриков, предки которого, красноярские казаки, были активными участниками восстания. — Я представляю себе чудный летний день. Енисей в полном величественном разливе. Огромная толпа взбунтовавшихся на берегу, тут и стар и млад, и женщины: посадили свое начальство в дощаник и отпихнули его от берега. И с берега летят камни в отъезжающих, а воздух насыщен насмешками и улюлюканьем».

А. М. Горький, ознакомившись с материалами красноярского восстания, восторженно писал о сибиряках, как о исконных бунтовщиках, которые «опередили Пугачева». А когда Горький познакомился с материалами еще более ранних восстаний, он написал в Сибирь: «Какие у вас, сибиряков, бунтовские корневища длинные!»

Бунты казаков, промышленных людей и пашенных крестьян после прихода их в Сибирь вспыхивали через каждые два-три десятилетия. В 1603 г. был основан Томский острог, а в 1637 г. здесь был поднят бунт, в котором участвовало около 700 служилых и посадских людей. Еще раньше, в 1630 г., в Мангазее промышленные и торговые люди осадили кре-

пость, в которой засел воевода с богатыми купцами. В 1691 году вспыхнул бунт крестьян села Бирюльки; вожака своего крестьяне называли именем волжского атамана Степана Разина. В 1727 и в 1762—64 годах происходят восстания крестьян Долматово-Успенского монастыря. Крестьяне Алтайского округа долго и упорно борются против наложения на них всяких государственных и горнозаводских повинностей.

Вспыхивали много раз восстания крепостных рабочих Алтайских горных заводов.

После отмены крепостного права, когда в Сибири возникли частные золотые прииски, сибирские рабочие не согнули покорно своей спины перед новыми хозяевами. В ответ на издевательства и грабежи, они «делали всякие устрашения и показывали дух совершенного непокорства». Они быстро сплотились для организованной борьбы и с 1870 по 1895 г. около пятидесяти раз поднимали волнения, устраивали стачки. С постройкой железной дороги (1892—1899 гг.) в Сибири появляется железнодорожный пролетариат. Революционная борьба поднимается на новую высоту.

Большую роль в развитии революционного движения в Сибири сыграла политическая ссылка, особенно появление в ссылке в 900-х годах социал-демократов. Они положили начало революционным организациям сибирского пролетариата. Первый рабочий кружок в Красноярске (1898—1900) был организован студентом Скорняковым после совещания с Лениным, проезжавшим через Красноярск в ссылку.

Героическая когорта большевиков во главе

с Лениным и Сталиным, бывшая в Сибири в ссылке, воспитывала своим нестигаемым мужеством, своей непреклонной волей и неустанной борьбой поколение народных борцов, готовых отдать жизнь благородной борьбе за светлое будущее народа. Под руководством большевиков поднимались, росли, закалялись боевые кадры рабочего класса в Сибири.

Сибирский пролетариат умножил и развил «бунтарские» революционные традиции сибиряков.

Революционное движение в Сибири было составной, органической частью общерусского революционного движения. Свержение царского самодержавия, свержение капитализма, Октябрьская социалистическая революция принесли освобождение и Сибири. Осуществилась мечта наших предков, пришедших в Сибирь, чтобы создать здесь жизнь без гнета и эксплуатации, жизнь свободную и счастливую.

Сибиряки всегда были верными сынами России — своей родины. Страстно ненавидя насилия, гнет, издевательства, которым подвергали страну царские палачи, дворяне и капиталисты, они горячо и беззаветно любили свою родину. Каждый раз, когда России — их отечеству угрожала смертельная опасность, сибирские полки шли на поля брани и неизменно покрывали себя бессмертной славой.

Сибиряки имеют славные военные традиции. Эти традиции закладывались в боях вольной дружины Ермака с ордами Кучума, в нессе-

крушимом движении землепроходцев и мореходов к берегам Великого океана, в их героической борьбе по закреплению береговой морской линии — восточной границы России от устья Колымы до устья Амура.

Военные традиции сибиряков развивались и закреплялись в многочисленных сражениях с интервентами, нападавшими на русские земли с запада, и с захватчиками, пытавшимися присвоить русские владения на востоке.

В 1608 году, когда в Тушине засела польская шляхта, в Сибири были заложены первые города: Тюмень, Тобольск, Березов, Тара, Нарым, Томск. Тушину тогда подчинилось 22 города, «от Москвы отступиша» и «велие разорение междоусобием сделаша». Молодые сибирские города остались верны Москве. И когда русские города стали сноситься друг с другом, обещая «друг за друга стоять» и «за один умирать», молодая Сибирь всем сердцем была вместе с непокорными русскими патриотами, вместе с ними она собирала средства для борьбы с врагом, вместе с ними она вооружала ополчение.

В годину шатости боярской,
Когда Москву пожгли враги,
Возвали Минин и Пожарский:
«Сибирь, откликнись, помоги!»
Откликнулась и помогла:
Пушнину, серебро и злато,
Кольчуги, шлемы, копыя, латы —
Все ополченью ты дала!¹.

В годы Северной войны в Сибири уже была большая и мощная по тем временам промышленность. И Сибирь подняла тогда «ал-

¹ Леонид Мартынов. «Сыны Сибири».

тайский меч» и «клинки ковала и ядра тяжкие лила».

И те каленые клинки
Сверкнули над Невой стальною —
И вырос город у реки.
И над балтийскою волною
Навстречу дрогнувшим врагам
Сибирские летели ядра,
Чтоб к отдаленным берегам
Чужая пятилась эскадра!¹

Огромный патриотический подъем вызвала в Сибири отечественная война 1812 года, когда захватнические армии Наполеона ворвались в пределы нашей родины — России. В сибирских городах создавались отряды народного ополчения в помощь регулярной армии. В деревнях Тобольской, Томской и Иркутской губерний крестьяне стихийно собирались на свои сходы и заявляли о своей готовности составить «вторую преграду из ополчения против стремящегося к разорению любезного нашего отечества неприятеля». Крестьяне Абакского комиссариата Тобольской округи писали в своем приговоре: «Единогласно и совокупно желаем к поднятию оружия противу бодрствующего врага... оставя в домах наших только жен, малолетних детей и удрученных старостью старцев».

Уже накануне войны в центр страны пошли из Сибири полевые кавалерийские и пехотные полки. А потом пошли из Сибири рекруты. Рекрутский набор был встречен здесь с большим подъемом. Вместо 5 человек с 500 ревизских душ Сибирь дала по 7 человек. Резко возрос процент добровольцев.

¹ Леонид Мартынов. «Сыны Сибири».

К началу военных действий в составе армии было 27 тысяч сибиряков. Это были воины-герои. Они сражались за независимость и честь русского государства исключительно храбро и отважно. Селенгинский полк участвовал в героической обороне Смоленска и покрыл себя неувядаемой славой.

Особенно героически сражались сибиряки с интервентами на Бородинском поле.

Во время этого боя, после взятия Семеновских флешей, французы направили основной удар против батареи Раевского — ключа всей Бородинской битвы. Поредевшие части Раевского сменила 24-я пехотная дивизия Лихачева, в рядах которой были сибиряки. Наполеоновский генерал Бонами штурмовым натиском овладел батареей, но был выбит оттуда лихачевцами; второй раз овладел и второй раз был выбит. Атаку за атакой отражали герои. Начальник штаба 6 корпуса полковник Манахтин, дважды раненный, крикнул перед смертью, указывая на батарею: «Ребята, эта батарея — Россия, отстаивайте ее грудью богатырей». И они защищали ее, как Россию, предпочитая смерть поражению.

Вся далекая Сибирь в дни нашествия Наполеона на Россию была вместе со своей родиной. Рабочие Тельминской суконной фабрики под Иркутском и рабочие заводов Алтайского горного округа отдавали свое скудное достояние в помощь отечеству. «Слыша, в каком положении наша святая Русь, — писал рабочий барнаульского завода Белкин, — я рассудил, что для всех нас не может быть дней чернее нынешних, и потому, исполняя

последнее желание родителя моего, прошу принять мои деньги». Он сдал казначейству 5 рублей серебром, завещанные отцом на «черный день». Рабочие Тельминской фабрики внесли в пользу родины 6000 рублей. В Красноярске было внесено ремесленниками и купцами около 11 тысяч рублей. Крестьяне Селенгинской волости собрали на оборону свыше двух тысяч рублей. Только по двум сибирским губерниям, Томской и Иркутской, было собрано 300 тысяч рублей деньгами, золотом, пушниной.

Вместе с русским народом широко участвовали в создании фонда обороны национальные меньшинства Сибири: буряты, эвенки, казахи, татары. Хоринские буряты передали русской армии тысячу лошадей. Эвенки вносили пушнину.

Все многоплеменные народы Сибири были охвачены единым, всепобеждающим стремлением изгнать из родной земли иноземных захватчиков. Содружество народов Сибири, которое складывалось десятилетиями совместной жизни и совместной борьбы с угнетателями, еще больше укрепилось в годы отечественной войны 1812 г.

Сибирь, как тыл в отечественной войне 1812 г., жила с армией и со всем русским народом одними помыслами, одной целью — разгромить врага во что бы то ни стало. Сибирский тыл был устойчив и крепок.

В 1854 г., когда Севастополь — город-герой — с беспримерной стойкостью защищал честь родины на Черном море, сибиряки отстаивали честь, целостность и независимость

своей родины на востоке, защищая русскую крепость в Петропавловске-на-Камчатке.

Камчатку справедливо называли «страной, воссевшей над океаном». Обладая превосходной гаванью, Петропавловск-на-Камчатке был «ключом» к Тихому океану, самой надежной опорой на этом океане. Вопрос стоял так: кто будет владеть устьем Амура и Петропавловском-на-Камчатке, тот будет владеть Сибирью.

В 1854 г. интервенты покушались на этот важнейший «ключ» к Сибири, они хотели отнять у русского народа то, что с исключительным героизмом и ценой огромных трудностей и лишений было завоевано в течение столетий.

В середине июля русский консул из США сообщил губернатору Камчатки Завойко, что интервенты готовятся захватить Петропавловск. В этот момент петропавловский гарнизон имел 475 человек. Этого было недостаточно для военных действий даже при орудиях. Для прикрытия артиллерии и отражения десанта людей не было.

На защиту порта встало все население города, жители окрестных деревень, камчадалы, нерчинские горняки, крестьяне Охотского округа. Из добровольцев был сформирован особый отряд.

Утром 17 августа наблюдательный пост поднял сигнал: «В море вижу неизвестную эскадру из 6 судов». Это была эскадра интервентов. На борту неприятельских судов было две с половиной тысячи войск и 212 орудий против 62 пушек защитников Петропавловска. В городе ударили тревогу, и все заняли свои боевые места. На следующее утро в губу

вошла вся неприятельская эскадра. 20 августа произошел первый бой. И в этом бою и во всех последующих сибиряки показали блестящее умение воевать, исключительную стойкость, храбрость и силу русского штыка.

24 августа, после неравной артиллерийской дуэли противник высадил десант — 900 человек. Десант разделился на три группы и пошел в атаку. Нависла непосредственная угроза вторжения десанта в город. Часть десанта уже заняла гребень Никольской сопки и спускалась с пальбой к городу. В это время бросились в атаку наши стрелки, матросы, артиллеристы. Ружейная стрельба смолкла, началась кровавая рукопашная схватка двухсот сибиряков против девятистот солдат неприятеля. Сколько тут было показано изумительного мужества и сметки! Боцман Суровцев один кинулся на пятерых неприятельских солдат и заставил их в панике бежать по всему гребню до самых своих шлюпок. Другой боцман — Яков Тимофеев расстрелял все патроны и решил достать их у неприятеля. Вместе с тремя матросами он бросился в рукопашную и добыл не только патроны, но и ружье. Группа интервентов окружила матроса Халатова. Он не поднял рук, а крепче сжал ими винтовку и один пошел в атаку, заколол четырех неприятельских солдат и вышел невредимым из окружения. Рядовой Иван Сумцов проложил себе штыком дорогу через неприятельскую группу и заколол начальника вражеского отряда. Враг дрогнул и в панике побежал вниз.

«По грудь, по подбородок в воде, — писал участник сражения, — интервенты спешили к своим катерам и баркасам, таща на плечах

раненых и убитых; пули свистели градом, означая свои следы новыми жертвами, так что мы видели один баркас сначала битком набитый народом, а отваливший с восьмью гребцами».

В этом бою интервенты потеряли убитыми и ранеными почти половину всего десанта. Значительные повреждения были нанесены и неприятельским судам: фрегат «Президент» был настолько разбит снарядами, что с большим трудом добрался до Ванкувера, у остальных фрегатов были пробиты корпуса и перебиты ванты.

Интервенты бежали с позором, который, как писала тогда мировая пресса, «никогда не смоят волны всех пяти океанов».

Честь русского оружия, боевые традиции русского солдата сибиряки несли со славой на полях всех сражений: и в течение двадцатилетней борьбы нескольких десятков унчанов, защищавших от японцев Командорские острова, и в боях за Западное побережье Камчатки во время русско-японской войны, когда во всех устьях камчатских рек стояли антияпонские народные дружины, и, когда высадился японский десант, дружинники с суши, а петропавловские добровольцы с моря, взяли его в клещи и выбросили с русской земли, а начальника десанта лейтенанта Гундзи захватили в плен. Эти традиции сибиряки свято хранили и несли со славой в 11-месячных сражениях гарнизона осажденной крепости Порт-Артур, и в схватках 5-го Сибирского пехотного полка, который в течение трех дней сдерживал натиск всей 2-й японской армии, и в доблестных боях сибирских полков под

Вафангоу, под Ляояном, и во многих других сражениях в период русско-японской войны 1904—1905 годов. Под Порт-Артуром японцы потеряли сто тысяч человек и все же не могли взять крепость. Да, крепость не была взята неприятелем, она была предана царским генералом Стесселем.

В русско-японской войне 1904—1905 гг. победителями вышли японцы, но в действительности поражение потерпели русские помещики и капиталисты, царское правительство, а не народ. Народ не был побежден. «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению», — писал Ленин в статье «Падение Порт-Артура».

Честь русского оружия, боевые свои традиции сибиряки высоко несли и в период мировой войны 1914—1918 гг. Немецкая армия Вильгельма, которую считали непобедимой, несколько раз, как сказал товарищ Сталин в речи 3 июля 1941 года, терпела поражение от русских войск. Удары исключительной силы наносили немцам сибирские дивизии и корпуса. Уже в первые месяцы войны, осенью 1914 года, в боях под Варшавой и Ивангородом сибирские части дали решительный отпор немцам, сломили их наступление и тем самым сыграли исключительную роль в срыве планов германского командования. В упорных двухнедельных сражениях под Ивангородом и Козеницами сибиряки своей стойкостью и презрением к смерти наводили ужас на врага. Командующий германскими войсками Людендорф был вынужден признать в своих воспоминаниях: «Все войска, принимавшие участие в этих боях, вспоминали о них с ужасом».

Боясь перехода русских армий в общее наступление и желая создать перелом на восточном фронте, германское командование решило организовать наступление из Пруссии. Развернулась знаменитая лодзинская операция в 1914 г., одна из грандиозных операций маневренного периода мировой войны на русском фронте, в которой с обеих сторон участвовало свыше 600 тысяч человек и огромное количество всех видов боевой техники.

Немцы подготовили неожиданный удар своей 9-й армии со стороны Торна в стык между 1-й и 2-й русскими армиями, с целью окружения сначала 2-й, а потом и 5-й русских армий. Командующий 9-й немецкой армией Макензен расчленил свой план на этапы. Первым этапом должен был быть разгром 5-го Сибирского корпуса. На него бросили четыре германских корпуса. Сибиряки дрались ожесточенно. И только под давлением тройного превосходства сил они местами отошли на новые позиции, но нигде не позволили противнику обойти свои фланги или прорвать боевой порядок. Попытка Макензена окружить сибиряков окончилась крахом. 5-й Сибирский корпус нанес противнику ощутительные потери в районе Воцловска и принял участие во всех боях лодзинской операции. Доблестно сражались на протяжении всей операции также 2-й и 6-й Сибирские корпуса.

Особенно высоко сибиряки подняли знамя русской военной славы в годы 1918—1922, когда они изгоняли со своей земли интервентов и колчаковскую нечисть, пытавшихся превратить Сибирь в свою колонию, а советских граждан в своих рабов. Молодые, пло-

хо вооруженные отряды рабочих и крестьян Сибири, проникнутые пламенным патриотизмом и священной ненавистью к подлым хищникам, беспощадно истребляли захватчиков, доблестно сражались с интервенционистскими армиями, вооруженными по последнему слову техники и руководимыми лучшими буржуазными знатоками военного дела.

В январе 1918 года японцы послали в советское Забайкалье банды своего агента Семенова. Рабочие Забайкалья совместно с крестьянами вышвырнули их с советской земли.

В марте 1918 года японские самураи организовали контрреволюционный мятеж в Благовещенске. Этот мятеж был подавлен благовещенскими рабочими в течение нескольких дней.

В черные дни японской оккупации советского Приморья здесь развернулось мощное партизанское движение. Восставшее дальневосточное крестьянство под руководством большевиков сражалось с отборными, вооруженными с ног до головы, войсками интервентов и нанесло им смертельный удар. Навсегда войдут в историю, как немеркнущая слава сибиряков, и штурмовые ночи Спасска и волочаевские дни.

В борьбе против Российской Советской республики обнаглевшие империалисты возлагали главные надежды на наступавшего из Сибири адмирала Колчака, который был объявлен «верховным правителем России». Вся Сибирь тогда пылала в огне рабочих восстаний и партизанских боев крестьян. Сибирское крестьянство шло в леса, в горы и с пи-

ками в руках, с самодельными пушками громило колчаковщину с тыла. Из отдельных отрядов создавались полки, дивизии, целые партизанские армии: на Алтае боролась с интервентами армия Мамонтова, в Минусинском крае армия Кравченко и Щетинкина.

Они громили войска итальянских, румынских и других оккупантов, протянувших хищные лапы к Сибири. Небольшие очаги партизанских восстаний превращались в огромные советские районы в тылу интервентов. Тыл оккупационных армий пылал, земля под их ногами горела. Сибирские партизаны оказали неоценимую помощь Красной Армии, громившей с фронта войска иностранных интервентов и колчаковских генералов. И огонь народного гнева и военной доблести сжег дотла неприятельские полчища, дерзнувшие прийти на землю вольнолюбивых и воинственных сибиряков, ставшую священной советской землей.

В боях с интервентами пролито много драгоценной крови лучших сынов Сибири. Но кровь эта не пропала напрасно. Она горит сейчас призывным пламенем на знаменах сибирских гвардейских дивизий, она зовет наших воинов свято хранить и доблестно нести вперед славные боевые традиции сибиряков.

За три с половиной столетия своей строительной деятельности в Сибири русский народ умножил и развил здесь все лучшие свои качества, превосходные свойства своего психического склада и характера.

В 1901 г. в статье «Крепостники за рабо-

той» В. И. Ленин с удовлетворением отмечал самостоятельность сибирского крестьянства, не желающего работать из-под палки. Знаменитый русский писатель Г. И. Успенский с восхищением писал об энергии, о «гордости сибирского мужика». А. П. Чехов, проезжавший через Сибирь в 1890 г., отмечал независимость и твердость характера наших земляков. А. М. Горький писал о сибиряках: «Не бывал я в Сибири, но много видел сибиряков — это особый народ, — и я несокрушимо верю, что он может сделать большую работу».

К этой мысли Горький возвращался много раз. «Вообще я склонен думать, — говорил он в 1914 г. одному сибирскому писателю, — что Сибирь себя еще покажет... Народ туда все шел живой, беспокойный: политические ссыльные, беглые крестьяне и просто смелые, вольнолюбивые люди. Да и крепостного права там не было. Хороший дух должен быть у Сибири. Крепкий, ядреный, смолистый, этакий, вот как у молодой сосны».

В славных походах Ермака, в суровой борьбе с природой русских землепроходцев, прокладывавших дороги через необъятные леса и степи дикой страны, в смелых плаваниях Дежневых, Чириковых по неведомым морям и океанам, в научных экспедициях Крашенинниковых, в талантливых изобретениях и открытиях Ползуновых, в богатейших открытиях рудознатцев Волковых и Поповых, в битвах с врагами — иностранными захватчиками, неоднократно нападавшими на нашу родину не только со стороны западных, но и восточных границ, в неукротимой борьбе с произволом и гнетом — во всей этой работе и борьбе зака-

50

лся русский народ в Сибири, выковывался его характер, складывались и укреплялись его боевые традиции.

Черты его национального характера и психического склада — смелость и отвага, мудрость и широта размаха, свободолюбие и воинственность — передавались и крепились из поколения в поколение. Советские люди полностью унаследовали эти прекрасные качества своих предков и умножили и возвысили их за годы революции и гражданской войны, за годы социалистического строительства в Сибири, за годы сталинских пятилеток, когда по мудрому указанию Сталина, создавалась в глубине страны, на востоке, вторая угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасский комбинат.

Советский строй разбудил могучие подспудные силы народа, вызвал к жизни все творческие силы народных масс, поднял небывалую инициативу для выполнения больших исторических задач Советского государства.

В ходе боев за власть Советов, в ходе работы по строительству социализма появились новые черты в характере народа. В поздравлении туркменским конникам тов. Сталин так охарактеризовал черты советского человека: «Ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия». Эти качества партия широко культивировала среди трудящихся всех национальностей Советского Союза.

Возвысилась в своем значении и умножилась в своей силе любовь народа к своей родине. Русский народ всегда глубоко любил свою страну, свою родину, он всегда был по-

лон высокой гордости за созданное им могучее жизнеспособное государство. «Патриотизм, — как писал Ленин, — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями». Но раньше к законной гордости народа своей страной примешивалось чувство горькой обиды за то, что в ней властвовали царские сатрапы, капиталисты и «петербургские немцы». Сейчас чувство патриотизма не только ничем не затемняется, оно стало могучей силой нашего развития.

Сибиряки на фронтах отечественной войны

Их каждый шаг овеян славой,
Чудесной славой боевой.

И. Молчанов.

Слава наших земляков

Каждый день телеграф приносит с фронтов отечественной войны радостные вести о беспредельном мужестве и героизме, исключительной отваге и доблести сынов нашей социалистической родины. Каждый день войны рождает героев, которые удивляют мир своим воинским искусством и храбростью, своей готовностью к любым жертвам для блага народа, презрением к смерти во имя чести и независимости своего социалистического отечества.

В числе героев отечественной войны есть много наших славных земляков, наших боевых товарищей.

С огромной любовью, с высокой гордостью следим мы за подвигами сибирских частей на полях брани. И когда мы получаем вести о том, как сорок сибиряков-гвардейцев целый день вели ожесточенный бой против вражеских танков и отбросили врага, или о беспримерных подвигах сибирских дивизий в разгроме вражеских полчищ под Москвой, или о сердечной благодарности Наркома Оборона тов. Сталина личному составу одной из сибирских частей за бои под городом Калининым, или о преобразовании четырех сибирских стрелковых дивизий и одной бригады в гвардейские за проявленные ими образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности в многочисленных боях за нашу советскую родину, — мы говорим с радостью:

— Это наши храбрые земляки, наши славные боевые товарищи.

С первого дня, как ушли на фронт наши земляки, между ними и Сибирью — их товарищами, друзьями, родными — установилась тесная связь. Мы говорим с ними по радио, пишем им письма, посылаем подарки. Из наших городов и деревень непрерывным потоком идут к ним на фронт составы поездов с вооружением, углем, машинами, хлебом — всем, что мы создаем у себя в тылу.

Фронтвики нам отвечают:

«Дорогие земляки! Недавно мы, бойцы Западного фронта, слушали вашу радиопередачу. Мы гордимся вами, земляки, гордимся родной Сибирью. Здесь, на фронте, мы живо ощущаем силу ваших побед в тылу. Гиганты-танки, что громят врага на полях сражений, сделаны из вашей стали, металлурги Кузбас-

са! Мы засыпаем фашистов градом мин, сделанных на сибирских заводах. Мы знаем, что вами освоено производство десятков видов вооружения. Тучные сибирские стада, высоко-сортное масло, пшеница, теплые сибирские полушубки, пимы, рукавицы — все это идет к нам, на фронт, все это каждый день, каждый час говорит нам о вашей помощи, о вашем самоотверженном труде, отцы наши и матери, братья и сестры!»

«Мы получили ваши подарки, — пишут нам бойцы с другого фронта, — и от всей души говорим вам: спасибо! Большое красноармейское спасибо! Мы непрестанно ощущаем вашу заботу. Мы и так тепло обуты и одеты, мы питаемся сытно и хорошо, а тут еще ваши личные подарки... Слов нет, чтобы выразить, как они растрогали нас».

«Дорогие земляки! Мы выехали на фронт из Новосибирска, — пишет политрук В. Логинов от имени группы летчиков. — Большинство из нас родилось и жило в Сибири. Мы знаем из газет, как вы героически трудитесь, помогая нам. Так знайте же и вы, как мы бьем врага, защищая родину!»

И к нам идет письмо за письмом о славных подвигах защитников родины. Между Сибирью и фронтом установился общий пульс, там, на фронте, и здесь, в тылу, работает как бы единое огромное сердце.

Вот сибиряки приехали на фронт... Первые бои. И почта несет первые письма бойцов родным, первые рапорты их своей Сибири.

«Мама, сегодня ночью вступаем в первый бой, — сообщает Вера Крылова, командир

санитарной роты. — Пожелай мне. выйти из этого боя героем».

Политрук Реутов пишет в газету по поручению группы летчиков: «Нет у нас времени, чтобы написать письма отдельно каждому из наших друзей-сибиряков. И вот мы пишем всем вам вместе о нашем первом бое... Вот он получен долгожданный приказ. Раздался знакомый голос капитана Тихонова: «По самолетам!» Взревели моторы — и наши птицы плавно взлетели в ночное небо... Вот и цель! Колонны немецких грузовиков подвозят к линии фронта пополнение и боеприпасы... Вниз полетели бомбы. Пламенем взрывов осветилась земля, растерянные и рассеянные враги, обломки машин, трупы немцев. Бомбы попали в цель!»

О самых сокровенных чувствах и мыслях пишут фронтовики своим землякам, товарищам, женам. «Как бы мне хотелось увидеть всех вас! — пишет жене младший политрук Николай Шешенин. — Но я на войне. Идут жестокие сражения, и кроме долга перед семьей есть еще долг перед родиной, который я выполню до конца. Родина для меня — не абстрактное понятие. Это — страна, где я вырос, где мы с тобой были счастливы, где выросли и будут жить мои дети, дети моих товарищей. Я люблю родину настоящей большой человеческой любовью. И это всегда прибавляет мне силы».

«...Ночь. Предрассветная тишина. Кажется, все в мире спит, всюду покой... А на рассвете мы идем в бой. Это обманчивая тишина, тишина перед боем, — пишет матери танкист Сергей Игнатов. — Мама, родная, я люблю жизнь. Но ведь за жизнь, за счастье, за ро-

дину я и буду сражаться. И поэтому мне не страшно, и поэтому не боюсь я смерти».

Земляки наши прошли полосу первых боев. Рука их окрепла. Глаз пристрелялся. Шинели пропахли порохом. Они ближе увидели лицо врага, его зверства, грабежи и насилия. И они стали еще злее и беспощаднее. В редакцию чулымской районной газеты пришло письмо от старшего сержанта Сергея Горелова:

«Я — воин Красной Армии. Я шел по бескрайним полям и лесам моей земли. Я видел, как тучные желтеющие колосья ржи поникли над воронкой от вражеской бомбы, как беспомощно приникли они к земле, придавленные гусеницей фашистского танка... Я видел разрушенный город, смотрящий в пустоту черными дырами выбитых окон. На развалинах его, у разбитой бомбой стены, я видел окровавленную голову старухи и рядом с ней светлые волосенки мертвого ребенка... Я видел среди колхозного села трупы замученных стариков, убитых детей, изнасилованных и зарезанных женщин и девушек.

Кажется, человек не способен пережить этого, не став безумным. Я видел, и я перенес это. Но в сердце моем поселилась ненависть, смертельная ненависть, такая же сильная, как моя любовь к моей большой земле. Я ненавижу! И я жажду кровавого счета. Всей черной крови нехватит у презренного врага, чтобы расплатиться за то, что я видел. Каждая пуля, каждый мой снаряд — капли моей ненависти. Они летят точно в цель, и моя смертельная ненависть разит фашистских бандитов. Мои самолеты в небе, мои танки на земле, мои корабли на море несут смертель-

ную, священную ненависть. Я крепко сжимаю винтовку в руке. Если я потеряю руку, я возьму оружие в другую, останусь без другой — зубами вцеплюсь в горло врага. До тех пор, пока в жилах моих течет хоть капля крови, несущей мою священную ненависть, я буду драться с врагом. Ни на шаг не отступлю я!»

Группа летчиков опубликовала в областной газете свою клятву землякам:

«Уезжая из Сибири, мы клялись, что не опозорим славные традиции родного края. Суровая фронтовая обстановка не испугала нас... Стояли лютые морозы, но ребята только посмеивались и говорили: «Ничего, мы сдюжим. На то мы и сибиряки. А ну, давай нажмем по-сибирски!» Мы бомбим эшелоны, автоколонны, станции, места скопления войск — и туда, куда мы пролетали один раз, возвращаться не приходится... Мы закалились в боях с врагом и будем бить его до полного уничтожения. В этом мы, летчики, клянемся вам, дорогие земляки!»

Полковник Переманов в письме в Сибирь заверяет земляков: «На подступах к Москве и на других фронтах не плохо воевали сибирские войска. Мы будем и впредь сражаться так, чтобы слово «сибиряк» друзья произносили с гордостью и любовью, враги — с ужасом и ненавистью».

И сибиряки сражаются с фашизмом как доблестные сыны социалистической родины. Каждый из них чувствует в бою локоть своего края, поддержку всей Сибири. Он вдохновляется общим подъемом страны. Каждый боец знает, что его героический подвиг, под-

виг на поле брани будет оценен всем народом. Он знает, что каждый такой подвиг будет предметом гордости родных, знакомых, друзей, всей Сибири.

И нет для нас, сибиряков, более радостной вести, чем весть о победоносных сражениях сибирских частей, нет более высокой гордости, чем гордость бранными подвигами наших земляков.

Вот мы получили сообщение об обороне отделения Талабурова... Окопы его сегодня находятся на левом фланге подразделения. Зарывшись в глубоком снегу, пристально вглядываясь в сторону врага, лежит командир отделения. Немного левее начинаются окопы его бойцов: Горбунова, Либченкова, Цветкова и Ганзина. Много горячих схваток с фашистами провели эти боевые товарищи. Суровая фронтовая жизнь сроднила их, спаяла нерушимой боевой дружбой. И вот они приготовились к новому сражению... Медленно наступает рассвет. Бойцы знают, что на рассвете фашисты обычно делают попытки атаковать наши позиции. Они смотрят в предрассветную синеву и видят, как грузно выходят из деревни до полутораста немцев. Враги идут цепью, в полный рост. Красноармейцы встрепенулись, каждый засек для себя цель. Идут напряженные минуты: одна, другая, третья... Подается команда: «Огонь!» Раскатисто гремит первый залп. Короткими очередями заговорил «Максим». В цепи врага послышались ругательства и предсмертные стоны. Фашисты на некоторое время замешкались. Но затем, опамятавшись, кинулись во фланг подразделению Талабурова. Пять винтовок и один ручной пу-

лемет горячим свинцом поливают врага. Но фашисты бешено нажимают, лезут вперед. Четыре бойца и один командир сражаются против стаи хищных зверей. Они скорее умрут, чем пропустят врага.

Фашисты залегли в снег. Они хотят подняться и наброситься на горстку храбрецов, но в это время снова раздается винтовочный залп, две — три очереди ручного пулемета и враги прижимаются к земле. Вот один из них не выдержал, поднялся и побежал обратно, за ним другой, третий, побежали все, кроме двадцати убитых. Побежали десятки фашистов от пяти советских бойцов. И мы, словно воочию следившие за всей этой неравной схваткой, кричим в восторге, подобно старому запорожцу Тарасу Бульбе:

— Добре, сынку!

Пулеметчик Вишняков видит, как до сотни зеленоватых шинелей мелькают в просветах домов, перебегают от сарая к сараю, прячутся за изгородями. Вишняков ждет. Он знает, что фашисты вот-вот побегут по небольшой складке земли, которая лежит впереди его пулемета. Усилился огонь вражеских минометов. Совсем рядом раздались несколько оглушительных взрывов и над головой пулеметчика просвистели осколки. Время тянется медленно. На сердце — тоска. Рука протягивается к спуску пулемета. Нет, стрелять еще рано. Вдруг одновременно выскакивают с разных сторон гитлеровцы. Нервы у пулеметчика напрягаются до предела. Хочется пустить длинную, длинную очередь. Нет, еще рано. Терпение, терпение. Беспорядочно строча из автоматов, гитлеровцы во весь рост бе-

гут на наши позиции, бегут прямо на невидимого для них замаскировавшегося Вишнякова. Пора! Вишняков нажимает на спуск. Пулемет застрочил длинными, яростными очередями. Ошеломленные этим неожиданным ударом гитлеровцы дрогнули. А пулемет Вишнякова продолжает кидать в них пригоршнями горячие пули... И мы видим, как под ударами Вишнякова падают один за другим те, кто пришел захватить наши русские земли, кто мучает наших детей, кто издевается над нашими женами, и мы приветствуем своего отважного земляка:

— Добре, сынку!

Подразделение Кабанова идет в атаку... Враги открыли по нему огонь из нескольких минометов. Мины разрываются впереди подразделения, идти становится все труднее и труднее. А тут еще вражеские автоматчики. Беспорядочно стреляя на ходу, они начали обходить наших бойцов с флангов. Кажется, вот-вот дрогнут наши бойцы, захлебнется атака. В эту критическую минуту впереди всех бойцов появилась всем знакомая фигура, подтянутая, стройная, командира подразделения Кабанова. Он запел песню. Песню пролетарского Питера. Бойцы подхватили ее слова. По лесу громко отдались звуки: «Тучи над городом встали...» И под ногами тверже стала почва. Подразделение стремительно обрушилось на врага. Засверкали в руках красноармейцев стальные штыки. Вражеское кольцо разорвано. Гитлеровцы не выдержали могучего натиска, побежали... Еще одна деревня освобождена от фашистской нечисти. И через тысячекилометровые пространства несется

из Сибири к бойцам подразделения т. Кабанова наше чувство гордости ими и восторга:

— Добре, наши славные земляки!

С огромной радостью наблюдает Сибирь за каждым героическим подвигом своих земляков. Мы следили за сражениями трех командиров против шестидесяти немцев... Они, Селиверстов, Афанасьев, Ватагин, изучали вражеские позиции. Вдруг на них бросились шестьдесят немецких бандитов. Фашисты даже не маскировались, бежали во весь рост. Шестьдесят и трое! Первым начал стрелять Афанасьев. Первый выстрел, второй, третий. Трое немцев повалились на снег. Открыли огонь Селиверстов и Ватагин. Меткие их пули сражали передних фашистов, но задние с какой-то дикой яростью бежали через трупы вперед. Трещали автоматы, кричали бандиты, и в этом шуме через каждые несколько секунд раздавались глухие винтовочные выстрелы. В винтовку заложены последние магазины. Рядом лежит автомат — командиры берегут его на случай, если бы бандитам удалось подойти на близкое расстояние. Наши не любят выпускать патроны напрасно, в воздух. Но не понадобился автомат, не понадобился и пулемет, который притащил во время боя Ватагин. Фашисты бросились в панике обратно, оставив позади себя убитыми 38 из 60!

Мы наблюдали за поединком красноармейца Цвыкова с фашистским дзотом, из которого победителем вышел Цвыков, взорвав амбразуру двумя калеными «лимонками». Мы видели, как красноармеец-кавалерист т. Безгадов один бросился в атаку против тридцати немцев и обратил их в бегство. Мы восторга-

лись озорной дерзостью красноармейца Шамова, который под деревней Ф. подошел вплотную, метров на пять — шесть, к фашистам и объявил им: «В плен к вам иду, сдаваться». А когда они потребовали бросить оружие, он поднял свой автомат и сказал: «Вам несую» и сразу же в упор застрелил двух пулеметчиков и так же незаметно, как появился, уполз в лес.

И мы от души приветствовали мужество и храбрость этих бойцов и командиров:

— Добре, наши славные земляки, наши боевые товарищи!

Слава наших земляков широко идет по фронтам отечественной войны.

6 марта писатель-орденоносец П. Павленко выступил в «Красной Звезде» с очерком о сибиряках. Он рассказал о восторженной встрече их в деревнях Подмосковья, о свежей сибирской мощи, которую внесли они в ряды защитников нашей славной столицы.

Наблюдавший сибирские части в бою Павленко пишет:

«Напорист и азартен в бою сибиряк, в бою нет злее, упорнее и веселее его. Любит взять он, что не дается сразу, хорош на тяжелое дело».

Немцы боятся сибирских частей. Когда немец сталкивается в бою с сибиряком, он в страхе кричит: «Сабырак, сабырак!» — и скорее мордой в снег.

Гвардеец-наводчик В. Зверев пишет во фронтовой красноармейской газете: «Сильно боятся немцы сибиряков. Как узнают, что против них идут сибиряки, они уже заранее говорят: «Сибиряки идут — нам капут».

Этот страх немцев перед сибиряками не случаен. Сибиряки показали себя на фронте мужественными, инициативными и искусными воинами.

Вот сержант Кудашкин. В один из горячих боев за Москву ему, вместе с двумя бойцами, было дано задание добыть «языка». Подкравшись к немецкому блиндажу, Кудашкин убил наповал двух фашистов, а третьего повел к своим — он должен быть «языком». Только двинулись к речке, как выскочил из блиндажа четвертый и открыл из пулемета огонь. Кудашкина ранило в локоть. Бойцы советуют:

— Товарищ старший сержант, идите во взвод, перевяжитесь.

— Нет, я его так не оставлю, — отвечает Кудашкин. — Меня уже злость взяла, я его так не оставлю.

Но Кудашкину помешали расправиться с немецким пулеметчиком. В тыл к нему зашли пять фашистов. Завязалась новая схватка. Трое немцев пали замертво, а двоих Кудашкин захватил в плен. Придя в свой штаб, сержант опять вспомнил того пулеметчика, что прострелил ему руку, и злость снова поднялась в нем. Кудашкин опять пошел к немецкому блиндажу и явился на перевязку лишь после того, как убил пулеметчика. В санбате, где он, мрачно хмуря брови, рассказал, что ему все-таки не удалось захватить немецкий пулемет, Кудашкина спросили:

— Ты не из Сибири, Кудашкин?

— А вы как признали?

— Да ведь характер не скроешь. Сибиряка сразу узнать можно — упорный человек.¹

С этим характерным сибирским упорством немцам приходится часто сталкиваться на фронте.

Немецкий автоматчик стрелял с дерева. Красноармеец Литухин был ранен им в голову. Кровь из раны заливала висок, щеку, но Литухин словно не замечал этого. Он осторожно, как охотник, стал выслеживать коричневого зверя. Перебегал от дерева к дереву, вглядывался в просветы, осматривал густые ели. И выследил. Фашист сидел на ветвистой сосне. Метким выстрелом Литухин снял «кукушку». И только после этого он отправился делать перевязку.

Так рассчитываются сибиряки за раны, которые наносит им враг.

На Западном фронте в одной из боевых схваток два фашистских орудия вели бешеный обстрел переезда, который во что бы то ни стало должен быть нашим. Надо уничтожить орудия! Василий Селин, громадного роста, широкоплечий сибиряк, подполз к ним с пулеметом, перебил всю орудийную прислугу и открыл огонь по немцам из немецкой пушки, или, как он говорит: «По гадам из гадючьего орудия».

Так устраняют сибиряки препятствия, которые они встречают на своем боевом пути.

А вот как они ходят за «языком».

Красноармеец Пичугов, искитимский лесоруб, и двое его товарищей, одетые в белые халаты, вооруженные автоматами, темной

---

¹ «Красная Звезда», 6 марта, 1942 г.

ночью подползли к вражескому дзоту. Улучив момент, когда немцы перезаряжали ленту, Пичугов ухватился за торчащий из дзота пулеметный ствол и вытащил пулемет. Затем он командовал:

— За мной!

Трое разведчиков бросились в дзот. Это было столь неожиданно для фашистов, что они не успели даже по одному разу спустить курки своих винтовок. Пять фашистов были уничтожены, а шестого вместе с пулеметом разведчики повели в свою часть.

— Есть «язык»! — доложили они командиру.

Немцы боятся схваток с сибиряками, боятся русского штыка. Одна из фашистских газет — «Берлинер берзенцейтунг» — откровенно признается: «Мы недооценили русскую армию и ее оружие. Особенно это ясно теперь, когда против нас брошены сибирские дивизии, прекрасно снаряженные для войны в зимних условиях. Эти дивизии состоят из солдат, которые зимой чувствуют себя великолепно. Наши пулеметы и автоматы на морозе часто недействуют. Тогда остается лишь холодное оружие и начинается страшная русская рукопашная».

И вот как эту рукопашную ведут сибиряки. Младший лейтенант Василий Бабкин и политрук П. Петраченко и два бойца неожиданно встретились с десятью немецкими солдатами. Завязалась рукопашная схватка четырех против десяти. Но наши действовали штыком по-русски: ловко, решительно, помогали друг другу. И четыре человека уничтожили восемь фашистов и двух взяли в плен.

На плечах врага бойцы взвода сержанта Цветухина ворвались в деревню. Они расстреливали убежавших фашистов, а сопротивлявшихся кололи штыками — было уничтожено 40 фашистов. Из всей немецкой части не оказалось ни одного солдата, который смог бы оказать сопротивление в рукопашной схватке. А какими они были храбрецами в расправе с мирным населением!

В другом бою заместитель политрука Белых с пятью красноармейцами пошел в атаку на большую группу противника и уничтожил до тридцати фашистских бандитов.

Группа бойцов одной из сибирских частей блокировала вражеский дзот. В числе бойцов был красноармеец Гавриил Владюк, тихий, скромный парень. Глядя на него, командир обычно думал: «Нет в нем огонька, уж слишком он спокоен». Бойцы бросали в дзот гранаты, бросал их и Владюк. Но вот один из фашистов выскочил из дзота, и Владюк, этот тихий парень, мгновенно прыгнул к дзоту и штыком пришил фашиста к земле. Тем временем из дзота выскочили еще четверо немцев. Красноармейцы крикнули своему товарищу: «Стреляй!» Но Владюк снова пустил в ход свой испытанный штык. Через несколько минут все пять фашистов, распластавшись на снегу, лежали у ног сибиряка.

Немцы любят ходить в «психические» атаки. На слабонервных это должно действовать подавляюще. Но сибиряки — крепкий, закаленный народ, и они в совершенстве пользуются такими атаками для уничтожения гитлеровских собак. Первая роль здесь принадлежит

метким пулеметчикам. Вот одна из таких атак, как ее описывает старший политрук Г. Кац:

«...Сперва они ползли. Потом, не встречая нашего огня, шли на деревню, непрерывно строча из автоматов. Комсомолец-пулеметчик Николай Тимохин лежал за станковым пулеметом, держа его на боевом взводе. Вот уже немцы подошли на 100 метров. Вот расстояние уменьшилось до 80, до 50 метров. А с нашей стороны — ни выстрела. Так было условлено. Наконец, немцы подошли совсем близко. Красноармеец Иван Матюхов спокойно прицелился в немецкого офицера и выстрелил. Офицер свалился. Это послужило сигналом для открытия нашего огня.

Но Николай Тимохин все ждал. Он приметил толпу пьяных фашистов, лавиной приближавшихся к нему, и только тогда, когда враги приблизились шагов на тридцать, пулеметчик, стиснув зубы, открыл огонь.

Первой же очередью комсомолец Тимохин «снял» десять фашистов, затем последовало еще несколько длинных очередей. Немцы залегли, укрывшись за бугорками. Тимохин переглянулся с рядом лежащими бойцами Жариковым и Селезневым. Те, ничего не говоря, подняли пулемет на руки и пошли с ним вперед. А тем временем Николай Тимохин на ходу расстреливал фашистов — выковыривал их из укрытий.

Неожиданный, внезапный удар с наиболее короткой дистанции — излюбленный прием наших пулеметчиков-храбрецов. В одном из боев, несмотря на яростный огонь вражеских автоматчиков, пулеметчик Ярыгин хладнокровно лежал за пулеметом, выжидая приближе-

ния фашистов. Огонь он открыл только тогда, когда цепь пьяных и разъяренных немецких солдат подошла на расстояние нескольких десятков метров. Но какой это был огонь! Всего лишь за несколько минут он скошил свыше сорока гитлеровских солдат и офицеров.

В одном жарком бою пулеметчик Квасюк двое суток не отходил от своего друга. В щите пулемета было около десятка пробоин, несколько пробоин было в коже, около пулемета рвались мины, враг яростно поливал пулеметчика огнем. Но ничто не могло заставить его отступить. Он подавил несколько огневых точек врага и поддерживал наше подразделение в атаке до конца боя.

Стрелки любят и высоко ценят мастеров-пулеметчиков. Когда старшина Манкевич открывает огонь из своего пулемета, бойцы с любовью сообщают друг другу:

— Это Манкевич начинает разговор с врагом.

Пулемет Манкевича «разговаривает» с врагом низким рокочущим голосом, а главное — всегда смертоносно.

Характерную стрельбу станкового пулемета Ивана Редько, как пишет один из фронтовых корреспондентов, знал весь участок полка: две очереди коротких и одна длинная. «Редько ищет... Редько нашел», — говорили про эти приметливые очереди бойцы. В бою под Н. немцы бросили против наших пехотинцев танки и броневики. За ними шла немецкая пехота. Редько искал и находил свои цели беспрестанно. Работал, растегнув ворот гимнастерки, часто вытирая пот с лица, и должно быть так своей стрельбой досадил немцам.

что они послали на него густую стаю пикирующего коршунья.

Бомба за бомбой рвались вокруг позиции Редько. Земля здесь растворилась в огне и дыме. Сам воздух дышал смертью. Бойцы в блиндажах затаили дыхание. И когда кончилась бомбежка, не было слышно характерной стрельбы Ивана Редько. Бойцы переглянулись. И так обидно, так горько стало этим суровым людям, и они уже не могли сидеть в своих окопах неподвижно. Презрев огонь и смерть, они приникли к амбразурам и, без всяких команд, яростной стрельбой принялись вымещать врагу смерть одного.

В это время боевые товарищи отважного пулеметчика принесли тело своего друга на командный пункт и второй номер расчета Сила Бивень обратился к командиру:

— Товарищ комбат! Редько убит, я встану ему на смену. Мы встанем все.

Рядом с Силой Бивнем стояли перед комбатом подносчик патронов Михаил Школяр (голова у него была замотана марлей) и второй подносчик Григорий Петров (у него было вырвано ухо и прострелена мякоть ноги).

— И вы увидите, — продолжал Сила Бивень, — что Редько еще поговорит. Он еще не сказал фашистам последнего слова.

— Желаю успеха, Бивень! — тихо ответил комбат.

Минут через пятнадцать характерные очереди пулемета вновь огласили поле сражения: две короткие — «Редько ищет» и одна длинная — «Редько нашел...».

И весь фронт слышал эти очереди и видел

их убийственное действие. Бойцы ликовали в своих окопах:

— Ожил Редько. Живет Иван Редько!

* * *

Сибирские дивизии имеют в своих рядах и метких пулеметчиков, и умелых артиллеристов, и бесстрашных автоматчиков, и искусных минометчиков, и сверхметких стрелков. Сибиряки в совершенстве овладевают всеми видами боевой техники, которую дала им родина.

В одном из сражений на орудие сержанта Горилина обрушился массированный огонь двух немецких минометных дзотов. Наши артиллеристы приняли вызов. Вспыхнул поединок. Кто скорее попадет в свою цель — русские артиллеристы-сибиряки или немецкие минометчики! Когда сибиряки ставили свое орудие на огневую позицию, немецкие мины уже рвались вокруг них со всех сторон. Решали секунды. Наших артиллеристов могли спасти только исключительная быстрота и точность огня, хладнокровие и меткость. Наводчик Шевцов моментально навел орудие. Первый выстрел — и замолк первый вражеский дзот. Через несколько минут орудие заткнуло глотки минометам и второго дзота. Фашисты в панике побежали в разные стороны. Советские снаряды настигали их всюду и рвали на куски.

Быстрота и точность, хладнокровие и меткость! Так действуют, так воюют сибиряки-артиллеристы.

Нет, не напрасно боятся немцы сибиряков!

Не напрасно про сибиряков сложили на фронте песни:

Крепки в плечах,
В бою суровы,
Не знают слова «не могу!»,
Они идут железной лавой,
Железной лавой волевой,
Их каждый шаг овеян славой,
Чудесной славой боевой!

— Мы не запятнали в своей борьбе высокого звания сибиряка! — с гордостью заявляет младший командир В. Бабин в письме во фронтовую газету.

«Мы научились благородному искусству громить озверелых немецко-фашистских захватчиков, громить их по-сибирски, громить их по-гвардейски!» — пишет командование гвардейской дивизии Военному совету Сибво.

«Создавая оборону на Днестре, — пишут сибиряки-гвардейцы, — сражаясь за наши города и села в районе Андреаполя, Жаберо, Мосты, освобождая наш славный русский город Калинин, наши бойцы хранили боевую славу сибиряков, проявляли невиданный героизм, мужество и отвагу... Не раз хваленые гитлеровские вояки испытывали на себе удары наших сибирских частей. Мы стали грозой для фашистов».

Да и могли ли иначе сражаться наши земляки, могла ли быть у сибиряков другая слава! К великой борьбе с немецким фашизмом нас готовила вся история нашей родины. У нас, сибиряков, прекрасные предки, у нас замечательные традиции, которые мы унаследовали от прошлых поколений, у нас превосходная закалка, которую дала нам история, дала

партия большевиков. Перед нами стоит благородная и возвышенная цель, которая поднимает все наши душевные силы, мобилизует всю нашу энергию и волю, вдохновляет нас на героические подвиги.

Высший закон — защита родины

На полях сражений с немецким фашизмом национальный характер нашего народа, все лучшее, что присуще ему, заострилось до предела, раскрылось с необычайной силой. И это прежде всего — глубокая преданность и безграничная любовь советского народа к своему отечеству. Защита отечества является высшим законом бойцов и командиров Красной Армии, любовь к родине и ненависть к врагу стала для них сильнее смерти.

И мы с гордостью отмечаем, что в сражениях с фашизмом наши земляки показали высочайшую преданность родине, презрение к смерти, готовность биться за ее честь и независимость до последнего дыхания.

Вот лейтенант Лебедев...

На одном из участков Калининского фронта немецкие части пытались отбить занятую сибирскими частями деревню. Предстояла большая работа артиллерии. Лейтенант Лебедев пробрался далеко вперед своей части и стал корректировать по телефону стрельбу наших батарей. Снаряды, пролетая над головой лейтенанта, рвались в самой гуще вражеских позиций.

— Хорошо! — удовлетворенно отметил командир.

Между тем, к наблюдательному пункту, прямо на Лебедева, шло около полувзвода немцев. Враги приближались. Лейтенант вынул паган и, продолжая корректировать стрельбу, первым выстрелом уложил одного немца. Остальные залегли. Их было около двадцати.

«Лейтенант решил экономить патроны и бить наверняка. Он выстрелил вновь только тогда, когда обмороженная физиономия немца высунулась из-за соседнего куста. Не стало еще одного фашиста. Но их было много, а патронов только четыре. Лейтенант решил дорого продать свою жизнь. Он передал батарее приказ направить огонь на себя, чтобы разгромить вражескую колонну.

— Но, товарищ лейтенант... — нерешительно сказал кто-то в трубку.

— Огонь! — резко скомандовал лейтенант, видя, что немцы совсем уже рядом.

Где-то за леском ахнуло несколько орудий. Лейтенанта подкинуло силой взрыва. Он был ранен, но успел заметить, что клочья зеленой немецкой шинели повисли на сучьях соседней сосны... У него не было сил держать телефонную трубку. Она лежала на снегу. Лейтенант наклонился, приник к ней ухом и прохрипел запекшимися губами:

— Прицел чуть правее... Огонь!

Он не слышал нового залпа, но видел, как рядом разорвавшиеся снаряды разгромили немецкую колонну и оставшиеся в живых немцы бросились бежать. Его нашли без памяти в маленькой лощине, посреди поляны,

искалеченной снарядами. Он прижался ухом к трубке оборванного телефона...»¹

Огонь на себя! В летопись отечественной войны будут вписаны золотыми буквами фамилии сибиряков — лейтенанта Лебедева, лейтенанта Бутко, майора Войцеховского, которые для уничтожения вражеских колонн вызвали огонь своей артиллерии на себя, чтобы ценой собственной жизни смести с лица советской земли фашистскую нечисть. Ненависть к врагу сильнее смерти!

Всю печать обошло сообщение о легендарном подвиге трех красноармейцев-сибиряков — Ивана Герасименко, Александра Красилова и Леонида Черемнова. Это произошло во время наступления наших частей в районе реки Волхов. Взвод младшего лейтенанта Поленского просочился на передний край обороны противника и завязал бой. Неожиданно по нашим бойцам с фланга ударили пулеметы из двух вражеских дзотов. Трое сибиряков мгновенно подбежали к этим дзотам и гранатами уничтожили немцев. Они уже начали вытаскивать через амбразуры фашистские пулеметы, как увидели, что их взвод попал под перекрестный огонь трех других дзотов. Еще несколько минут и весь взвод будет скошен. И трое красноармейцев не сговариваясь, без команды бросились на амбразуры вражеских дзотов, из которых рвался пулеметный огонь, и закрыли их, как броней, своими телами...

После боя, когда взвод Поленского собрался около захваченных дзотов, бойцы увидели изрешеченные тела своих боевых товарищей.

¹ «Правда», 31 января 1942 г.

Они, припав к амбразурам, лежали в одинаковых позах, сжав застывшими навеки руками стволы пулеметов...

История человечества знает не мало фактов исключительного героизма лучших передовых людей в борьбе за свободу от чужеземного ига, в войнах за родину. Но история не может назвать ни одного факта, который был бы равен по своему потрясающему величию подвигу трех советских бойцов.

Одна фронтовая газета напечатала небольшую заметку о сержанте Ускове. Однажды в районе деревни М. его окружила большая группа фашистов.

— Рус, сдавайся! — кричали фашисты.

Положение, казалось, было безвыходным. Но ни сержант Усков, ни его бойцы не подняли руки.

— Русские не сдаются! — ответил сержант и с небольшой группой своих бойцов пошел в атаку. Сорок фашистов были уничтожены, остальные в страхе разбежались.

Русские не сдаются! И когда плен оказывается совершенно неизбежным, они предпочитают смерть. Ничто не может и не сможет сломить свободолюбия русского народа!

На одном из участков фронта был неожиданно окружен группой немецких солдат красноармеец-сибиряк Лазарев. Немцы обезоружили его и повели в расположение своих частей. По пути они подошли к участку, заминированному нашими саперами. Лазарев знал о грозящей опасности, но ничего не сказал об этом врагам. Лучше смерть, чем плен! Одна смерть за смерть десятка фашистов!

Раздался сильный взрыв. Через некоторое

время, когда Лазарев очнулся, он увидел обезображенные трупы фашистов. Сам он, истекая кровью, ползком добрался до своей части.

На какой бы участок ни поставила родина своих сынов и дочерей, они выполняют свой долг беззаветно, храбро и до конца, будь у них в руках автомат, клинок или медицинская сумка.

Военфельдшеру Нечаеву родина вручила медицинскую сумку.

...Более двадцати раненых бойцов вынесено с поля боя и доставлено в один из домов только что отбитой у врага деревни. Мины ложатся рядом с избой — на улице, в огороде. От их взрывов изба вздрагивает, под ее окнами свистят осколки. Нечаев, словно не замечая этого, делает перевязки. Перевязал одного, другого... Свист мин учащается, нарастает. Нечаев продолжает перевязывать раны. Но вот мина угодила в избу. Убито двое раненых бойцов, несколько человек получили новые ранения. Нечаева оглушило взрывом. Мгновение он лежит неподвижно. Но затем встает, оглядывает избу, стряхивает с себя глину и отбитую штукатурку, отыскивает отброшенную взрывом сумку. Руки дрожат от усталости, от нервного напряжения, звенит в ушах. Но он продолжает делать перевязки. Он не ушел из избы до тех пор, пока не был перевязан последний раненый. Он не ушел потому, что его поставила сюда, в эту избу, к раненым родина.

Связисты!.. С катушками на плечах, с инструментами на поясном ремне, с карабинами в руках, они днем и ночью, в мороз и пургу, в летнюю жару и в осенние дожди неутомимо

идут вперед по глухим лесам, по оврагам, по открытым долинам, прокладывая телефонные линии, исправляя повреждения, сращивая оборванные концы. И там, где они проходят, начинается жить тонкая, почти невидимая нить телефонного кабеля. Она всюду сопровождает наши части, как бы далеко они ни продвигались, в какую бы сторону ни были вынуждены отклониться. Эта тонкая нить — нерв. От ее исправности во многом зависит исход сражения. Связисты это знают. И они часто идут на смерть, чтобы сохранить жизнь этого чуткого и крайне необходимого нерва.

В одном из сражений на полуслове оборвалась связь. Комбат не мог примириться даже с мыслью, что связи нет. Телефонист Александр Пудов без слов понял комбата.

— Связь будет! — и он пошел по направлению кустов, где исчезла темная нить на снегу.

Сплошной гул стоял над полем. Оглушительно разрывались снаряды и мины, ложившиеся всего в нескольких шагах друг от друга. Густой завесой летели пули немецких автоматчиков. Пудов полз, прощупывая каждый метр кабеля. Он вскоре нашел прорыв и устранил его. Но снова взорвалась фашистская мина и далеко в сторону отбросила концы провода. Пудов срастил их, приключил аппарат. Связь работает! По линии понеслись новые команды. Бойцы шли в атаку. До конца боя связист Пудов оставался на дышащем смертью поле и самоотверженно устранял все повреждения.

Также бесстрашно и самоотверженно, как Александр Пудов, работают другие связисты-

сибиряки: красноармейцы Мельников, Горшенин, Заколжин, Кузнечихин, сержант Афанасьев, младший политрук Николай Шешенин, младший лейтенант Брюханов, красноармейцы Юрасов, Половинкин.. Они проводят телефонную линию так, чтобы ее не рвали проходящие в районе боев танки, обозы, артиллерия, чтобы она не попала под минометный и артиллерийский огонь противника. Тонкую нить металлического провода они протягивают так, чтобы предохранить ее от воздействия воздушных волн, образуемых разрывами артиллерийских снарядов и авиабомб. Через каждые три — четыре километра они устанавливают контрольные телефонные станции. И когда врагу удается порвать провод, нарушить нашу связь, отважные связисты метр за метром идут по линии, куда бы она их ни привела, хоть за несколько метров до вражеских позиций. Часто они идут под ливнем вражеских пуль и мин, нередко они получают тяжелые раны, иногда гибнут, но всегда восстанавливают связь.

В «Известиях» была напечатана корреспонденция Татьяны Тэсс о изумительной стойкости и высочайшем чувстве долга у советских связистов.

...Связисту было поручено восстановить телефонную линию, поврежденную в какой-то точке. Он нашел место повреждения — провод был разорван. Связист осмотрел концы проводов, зачистил их, приготовил так, чтобы их можно было соединить. В это время по пригорку, на котором он лежал, противник открыл огонь. Тогда связист взял оба конца провода в рот, соединил их и крепко зажал зу-

бами. Провод ожил. Может быть, кто-то уже начал вызывать по этому проводу свою часть и отдавать распоряжения; может быть, кто-то докладывал о ходе боя. Провод жил. Держа его в зубах, связист отстреливался. Он был дважды ранен. Третья пуля его убила. Он умер, не разжав зубы и не выпустив провода. Связь была восстановлена, ее охранял сейчас мертвый человек. Провод продолжал жить в ледяном теле, заметаемом снегом. И по проводу этому говорили.

На одном из участков Северо-Западного фронта группа немецких автоматчиков просачивается на нашу линию связи, пытается расстроить планы наших наступающих частей, рвет провод и держит под обстрелом места обрывов. Кабель беспомощно свесился с деревьев разорванными концами. Распоряжения командного пункта глохнут где-то на полпути. Не поступают донесения с передовых линий. Восстановить линию во что бы то ни стало! Выбить немецких автоматчиков! С этим заданием командование части направляет к местам повреждений младшего политрука Николая Шешенина с одиннадцатью бойцами.

Связисты идут вслед за проводом по густому лесу, где он тянется по хвое сосен, по открытому полю, где путь его обозначен большими колышками. Они легко одеты, вооружены карабинами, на их поясных ремнях висят инструменты. Руки их свободны. Связисты готовы в любую минуту отразить атаку врага. Далеко от командного пункта, на опушке леса, обрыв обнаружен. Связисты уже взялись за его исправление. В это время из леса выскочил целый взвод фашистских бандитов.

Справа и слева от линии началась автоматическая стрельба. И совсем рядом ложились мины. Шешенин подал команду трем связистам исправлять линию, а сам с восьмью бойцами открыл интенсивный огонь. Он вызвал врага на неравный бой, чтобы отвлечь его внимание от работы линейщиков. Линия во что бы то ни стало должна быть исправлена! Через несколько минут от меткого выстрела связистов захлебнулся вражеский миномет. Один за другим начали падать фашисты.

— За мной, товарищи! — крикнул Шешенин и с восьмью своими бойцами пошел в атаку на несколько десятков врагов. Немцы вдруг заметались по рыхлому снегу.

Линия исправлена. Снова загудел провод и командный пункт начал руководить по нему ходом боя.

Во время атаки погиб командир отряда связистов Николай Шешенин. Его горячо любили фронтовые товарищи. Командование части написало о нем в газету: «Весь личный состав части тяжело переживает утрату дорогого товарища и друга. В его лице часть потеряла человека большой культуры, командира, выполнявшего всегда успешно боевые задания, полиграфа-воспитателя, сумевшего в трудных боевых условиях высоко поставить культурно-воспитательную работу, замечательного большевика, не знавшего страха перед врагом».

Фронтовые товарищи Шешенина сняли свои ушанки и с непокрытыми головами похоронили своего друга под ветвистой сосной, на которой был подвешен исправленный и оживленный им провод...

Гудит от ветра над могилой телефонный провод и несет от одного подразделения к другому, от командных пунктов к передовым позициям и от передовых позиций на командные пункты живые человеческие русские слова. Слова команды о наступлениях и об атаках, слова донесений о победах.

Идут дни. Одно сражение сменяется другим. С каждым днем передвигается линия фронта все дальше на запад. И вместе с советскими войсками продвигается на запад телефонный провод, исправленный и оживленный младшим политруком Николаем Шешениным. И он будет долго жить, этот провод. Он будет сопровождать наши войска по всей советской земле, которую мы очищаем от гитлеровской нечисти, он будет сопровождать их и тогда, когда «мы будем на Рейне, на Одере будем». И в нем будет жить незримо политрук Николай Шешенин. В каждом снаряде, в каждой мине, в каждой винтовочной пуле, которые будут лететь в грудь фашистского воронья, будет жить и разить врага смертельная, священная ненависть к фашизму большевика Шешенина.

Одним из замечательных проявлений героизма, высокого морального духа Красной Армии являются тараны наших славных сталинских соколов.

За первые шесть месяцев войны с фашизмом 90 летчиков шли на таран вражеских самолетов. Девяносто шесть немецких самолетов было уничтожено тараном.

Одним из первых пошел на таран сибиряк-летчик Николай Тотмин. Он встретился с врагом в воздухе на Ленинградском фронте. Са-

молеты с бешеной быстротой шли на сближение. Тотмин решил: «Врежемся, оба погибнем, но я не сверну». Самолеты уже находились один от другого на расстоянии нескольких десятков метров. И тут нервы немца не выдержали, враг струсил. Он дал левый крен, чтобы выйти из схватки. Нет, не уйти ему! Тотмин дал правый крен. И плоскостью своего самолета, как ножом, срезал плоскость машины врага. Вражеский самолет изуродованным упал на землю, взорвался.

16 декабря 1941 года над территорией, занятой фашистами, снаряд вражеской зенитки попал в бомбардировщик младшего лейтенанта томича Ивана Черных. Самолет загорелся. Экипаж лихорадочно боролся с огнем, но потушить его не смог. Пламя бушевало, лизало одежду, обжигало руки. Самолет заметно снижался. Гибель! Экипаж мог спастись на парашютах, но это означало попасть в плен к фашистам. Русские в плен не сдаются! Черных жадно вглядывался в наземные точки и вдруг заметил на дороге автоколонну немцев. Хорошая цель! Летчик направил туда свою машину. Горящий бомбардировщик на головокружительной скорости с пикирования врезался в самый центр вражеской колонны и похоронил под своими обломками десятки фашистов.

То, что еще недавно казалось невозможным, невероятным, стало сейчас действительностью. М. Митин, в статье, напечатанной 6 марта в «Известиях», напомнил, что «за 2—3 года до начала войны против немецко-фашистских полчищ в ряде литературно-художественных произведений, например, в известном фантастическом рассказе Героя Советского Союза

тов. Байдукова, и книге Шпанова «Первый удар», описывались случаи, когда наши летчики на подожженных врагом самолетах бросались на вражеские корабли или аэродромы и наносили огромный урон врагу, сами погибая при этом. Вспоминается, как в некоторых литературных кругах высказывались сомнения в возможности подобных случаев. Но отечественная война дала нам много подобных образцов героизма и самоотверженности».

До 1 января 1942 года известен уже 21 случай, когда наши летчики на подожженных или поврежденных самолетах бросались на врагов и ценой собственной жизни взрывали вражеские автомашины, сжигали автоцистерны, уничтожали сотни фашистов.

Это легендарный героизм. Его порождает беспредельная любовь наших летчиков к родине, о которой писал советский поэт.

Нужно
так
любить свою отчизну,
Вовсе
забывая о себе,
Чтобы и в огне,
прощаясь с жизнью,
О ее
заботиться судьбе.

Провожая на фронт своих земляков, мы верили, мы знали, что они покажут образцы мужества и героизма в боях с врагом. И мы не ошиблись, мы не могли ошибиться.

Сибиряки показали себя на полях сражений не гнущимися, как броневая сталь кузнецких металлургов, крепкими и упорными в бою, как сибирские кедры, стремительными в атаке, как сибирские горные реки. Они показали се-

бя достойными продолжателями боевых традиций своих предков, ратных подвигов своих отцов, дедов и прадедов. Они показали себя достойными сынами русского народа, социалистической родины.

Фронт—от Дона и до Амура

Сейчас, когда мы пишем эти строки, враг движется в глубь страны. Он навис грозовой тучей над Доном, он рвется на Волгу.

Это далеко от Оби, еще дальше от Енисея. Но судьба Оби и Енисея решается на Дону, на Волге. В боях с немецким фашизмом решается судьба всего нашего народа: жить или не жить ему на своей земле, быть или не быть нашему государству, которое бережно строили русские люди в течение столетий — от Ивана Калиты, сибирских землепроходцев и до наших дней. За Дон, за Волгу сражаются лучшие сыны родины. Но это только первая линия обороны. Против гитлеровских полчищ народ установил фронт необычайной глубины — от Дона и до Амура. Он проходит через Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. И каждый из этих краев — целое государство.

Если бы подняться только над Сибирью и окинуть взором хотя бы одну ее область — Новосибирскую, мы увидели бы, насколько глубоки корни передовой линии фронта, насколько неиссякаема его огневая мощь.

Когда на Дону угасает день и на фронте умолкает на какое-то время артиллерийская

капонада, в Сибири в это время всходит солнце, и первые же его лучи, пробиваясь сквозь расселину скал, сливаются в Кузнецкой долине с мириадами металлических звезд. Это льется сталь. Она идет мощной раскаленной струей в огромные ковши, и поток ее кажется бесконечным. Это добротная высококачественная сталь, белая, искристая, как снега Сибири, горячая, как наша ненависть к врагу, негнущаяся, как характер сибиряков.

Этот огромный поток стали подготовлялся в Сибири давно. Задолго до войны партия предвидела, какую огромную роль будет играть Сибирь в обороне родины, и еще в 1930 г. поставила перед страной задачу — создать на востоке вторую угольно-металлургическую базу. В Сибири и на Урале развернулось огромное строительство. В Кузнецкой долине у подножья Старцевой горы был воздвигнут гигант металлургии — Сталинский завод, в Кузбассе были заложены десятки шахт, в Салаире построен завод. В Кемерово, в Новосибирске и других городах выросли электростанции, машиностроительные и химические заводы. Появились новые железные дороги. В Сибири забилось мощное индустриальное сердце.

Началась война, и Новосибирская область стала одним из боевых arsenалов родины. Кузнецкий завод получил задание производить новые марки стали, новые виды проката. И вот в ковши мартеновских цехов идет непрерывным потоком легированная сталь — для вооружения.

Прокатный цех готовит броневые плиты, и танкостроительные заводы одевают в сибирь-

скую сталь тысячи советских танков и бронепоездов.

Металлурги борются за выполнение заказов Комитета Обороны, как за фронтовые задания. И здесь нет цехов, не выполняющих своих планов. Во втором квартале кузнечане выплавляли сверх плана 22 тысячи тонн чугуна, 21600 тонн стали, 20300 тонн проката. В июле они дали сверх плана около 12 тысяч тонн чугуна и две с половиной тысячи тонн проката и послали наказ своим землякам на фронт:

— Не жалейте снарядов — металл будет!

Забой Кузбасса живут, как дзоты: в них ни на минуту не прекращается характерный треск отбойных молотков и врубовых машин. Изпод земли поминутно выбегают на эстакады вагонетки и электропоезда, нагруженные доверху углем, и на рудниках ежедневно вырастают целые горы черного золота. Из Кузбасса идут поезда-углярки на Урал, в Поволжье, в Москву. Сибирский уголь плавит в доменных печах страны чугун, водит бронепоезда на фронте, освещает электричеством города, движет станки на оборонных заводах.

Горняки Кузбасса знают, что сейчас, когда мы временно потеряли Донбасс, на них легла особенно ответственная задача: они должны работать вдвое — втрое больше. За двоих — троих работают лучшие кузбассовские горняки. На шахте Кирова вызывает восхищение всех забойщик Прядуха: он работает один за троих. На вопросы Прядуха отвечал просто: — А у нас так заведено — добывать уголь и за себя и за Донбасс.

В давние времена каждый сибирский город имел свой герб. На одном из них изображал-

ся соболю — символ богатства, на другом — бурый или белый медведь — олицетворение дремлющей силы, на третьем — кедр — знак крепости и несокрушимости. Если бы потребовалось сейчас создать гербы городов Сибири, на них были бы изображены самолеты, пушки, минометы, автоматы, прожекторы, снаряды, взрыватели, патроны, гранаты... Вот символы занятий сибирских городов, олицетворение их силы, вот что определяет сейчас их жизнь!

Новосибирская область стала кузницей вооружения и боеприпасов. В ее заводских корпусах и на эвакуированных предприятиях шумят станки, изготавливающие почти все, что нужно для фронта. Не настало еще время называть цифры. Но они огромны. Все заводы перевыполняют задания Государственного Комитета Оборона и с каждым месяцем увеличивают свою производственную мощность.

Вместе с Кузбассом, с городами поднялась вся область: ее животноводческая Бараба, Нарымская тайга, пшеничная Кулундинская степь.

Тайга! Кто из сибиряков не знает этот безбрежный лес, протянувшийся плотной, широкой стеной на тысячи верст до тундры, до моря! Кто не видел необозримо колеблющиеся синие волны лесных вершин и не слышал звериного воя тайги, когда из глубины ее, точно из темного подземелья, подымается глухой непрерывный шум и все вокруг вас вздрагивает, пошатывается и стонет!

Казалось, здесь извечно будет господствовать глухомань. Но вот и тайга по-новому ощетинулась и из урманов ее слышатся новые зву-

ки, иные голоса. Это стук топора, вой лучковой пилы, это рыбацкие песни на речных плесах и перекличка старателей на золотоносных ключах. Сибирская тайга дает для авиазаводов планку, бруски, фанеру, чтобы взвились в воздух новые тысячи самолетов, тару, в которой пойдут на фронт изготовленные в Сибири снаряды, березовую болванку, из которой будут сделаны ложа для сотен тысяч новых автоматов и винтовок, шпалы, по которым будут проложены новые линии железных дорог. Тайга отправляет пушнину для теплой одежды бойцам, лыжи для «снежной кавалерии» на фронте, рыбу для красноармейских кухонь. (Только один Нарымский округ нынче выловит полтора миллиона пудов рыбы — больше, чем он выловил за предыдущие пять лет.) Здесь, в тайге, люди изготавливают для оборонной промышленности технические смолы, древесный спирт, камфару, скипидар, пихтовое масло. Тайга воюет!

Барабинская степь издавна славится, как всесоюзная маслоделка. На сочных лугах этой степи пасутся огромные стада. Если что-нибудь и можно назвать молочными реками, так это поступление молока на маслозаводы от колхозов и совхозов Барабы. Маслозаводы едва справляются с его переработкой. Но колхозники говорят: мало! В колхозах «Звезда», «Красноармеец», «Новый строитель» развернулось движение за повышение продуктивности животноводства, за выполнение месячных планов сдачи молока к 20 числу. Только от этих трех колхозов страна получает дополнительно 1500 центнеров молока в год.

Всю весну и лето на полях Сибири напря-

женно работали люди, не уходя с полос. За одну весну они подняли семьдесят тысяч гектаров пустошей и целины, значительно расширили посевную площадь. Вместо ушедших на фронт мужчин работали их жены, сестры, матери.

Сейчас в колхозах идет озимый сев. Область доведет в этом году свой озимый клин до одного миллиона гектаров. Это будет вдвое больше, чем в прошлом году, а в прошлом году, было засеяно озимых вдвое больше, чем в 1940 году.

Плодородная сибирская земля вознаградила труд людей — созрел богатый урожай: кинешь фуражку на полосе и она застревает в хлебе и плавно покачивается на тучных колосьях. Урожай нынче наредкость обильный, в некоторых колхозах — стопудовый на круг. В этот год войны даже «колосья стоят как будто примкнуты сибирских дивизий стальные штыки» и зерна их «тяжелы, как пули».

На элеваторы идут обозы с новым золотистым зерном. Только один, средний по своим размерам район, — Черепановский, — сдаст нынче государству около двух миллионов пудов хлеба.

Сибирь далеко от фронта. Ее высокое крупнозвездное небо не запоганено фашистскими самолетами, ее пейзаж не изрыт артиллерийскими снарядами, ее поля не помяты немецкими танками. Города Сибири не тронуты фугасками, и по ночам в них горят, не потухая, электрические огни. Но прислушайтесь к пульсу края, и вы уловите в нем ритм войны. Здесь все подчинено фронту. Все для фронта! Воля и мысли, чувства и мускулы, все богатства края и безгранично могучий народный

труд. И здесь все по-фронтовому. В мирном труде сибиряков — упорство и сметка разведчиков, стойкость бронебойщиков, стремительность танкистов.

Шахтеры держат в своих руках отбойные молотки, как бронебойные ружья. Труд для них, как бой. И на этот бой вышли не только горняки, но и их сестры, жены. Откатчица Звягина стала забойщиком и перевыполняет план в полтора — два раза. Кандидат в члены ВКП(б) Зоя Дубкина пошла работать в забой и выполняет норму на 210—250 процентов.

Рыбаки вышли на ловлю рыбы для фронта и «прочесывают» своими рыболовными снастями водоемы, как прочесывают на фронте лес автоматчики. Колхоз имени VII Съезда Советов выполнил полугодовое задание на 331 процент, а бригада остячки Прасиной выполнила весь годовой план за одну неделю.

На полосах, как и прежде, работают комбайны и самосброски. Но у них иные темпы. Комбайнер Левин сцепом двух «Сталинцев» убрал уже тысячу гектаров зерновых, машинист жатки В. Болотов выкашивает 18 гектаров в день.

На одном заводе 22-летний юноша Борис Зенков выполнил норму на 57 тысяч процентов. Он один заменил 570 токарей. Старший машинист депо Инская т. Гуцалюк сделал пробег на своем паровозе, не останавливаясь на подъемочный ремонт, 103 тысячи километров, т. е. два с половиной кругосветных путешествия по экватору.

Вся область следит сейчас за соревнованием двух знатных машинистов — Николая Лунина и Павла Шолкина. Они обязались

сделать в течение месяца не менее пяти пробегов по тысяче километров в сутки и водить поезда-тяжеловесы.

Лунины и Шолкины ежедневно ведут по великой сибирской магистрали поезда на фронт. И когда солнце вновь на своем пути с востока на запад достигает Дона, в это время подходят к фронту сотни отправленных из Сибири поездов с продовольствием, одеждой, вооружением, боеприпасами. И когда на фронте начинается артиллерийская канонада, танки идут в стремительную атаку, автоматчики и минометчики открывают свой сокрушительный огонь — в этом бое сливается «мирный гул работ с непревзойденным гулом боя». В этом бое вместе со своими сынами сражается вся Сибирь.

Профессионально-технический институт
РСХМ СССР

Заводской комитет
завода № 513

1941
№ 2298

4/3

СОДЕРЖАНИЕ

Фронт проходит по Сибири	5
К великой борьбе нас готовила вся история нашей родины	14
Боевые традиции сибиряков	19
Сибиряки на фронтах отечественной войны	52
Слава наших земляков	52
Высший закон — защита родины	72
Фронт — от Дона и до Амура	84

Редактор Е. Бердникова. Подписано к печати 15 октября 1942 г. МН28121. Объем 2,875 печ. листа, уч. изд. 3,25 л. Бумага 70×92/80. Тираж 10.000.

Г. Новосибирск. Тип. № 1. Облесполкома. Зак. № 336.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач _____

Смское отд. ВГО «Союзучетиздат»
а7 - 157 - XII-78 г. Т. 750000
Тип. «Омская правда». Зак. 12770

Цена 1 р. 20 коп.